

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.

На годъ 6 р.
 На полгода 3 р.
 Номеръ 25 к.
 Подписчики получа-
 ютъ бесплатно всё из-
 дашя Пет. Волеы. Тип.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ СЛОВО.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Подписка на жур-
 наль, корреспонденціи
 и статьи принимаются
 у лицъ, публикующихъ
 вѣстникъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ редакціи. — Земля и Воля! — Фельетонъ: Письмо чистосердечнаго россиянина. — У гроба. Стихотвореніе. — По поводу подвиготъ прессы. — Корреспонденціи. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

Вотъ уже второй годъ, несмотря на всё гоненіе, существуетъ внутри Россіи вольное, безцензурное слово. Этотъ рѣдкій заграничный гость пришелъ наконецъ и у насъ укромный уголокъ, несмотря на то, что хозяева страны прилагали и прилагаютъ все старанія, чтобы выгнать его съ позоромъ вонъ.

Кромѣ ластовъ и брошюръ по поводу различныхъ событій русской жизни, вольные русскіе станки нашли возможнымъ предпринять и исполнить одно большое изданіе, на которое, по словамъ Петерса, знаменитаго предсѣдателя судовъ Особаго Присутствія, не было средствъ у «Правит. Вѣстника». Мы говоримъ объ изданіи судебныхъ отчетовъ по прошлогоднему процессу 193-хъ социалистовъ.

Правительственное обѣщаніе издать полный «стенографическій» отчетъ объ этомъ дѣлѣ дано было, очевидно, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить его. Отговорившись тѣмъ, что у него нѣтъ бѣшеныхъ денегъ, которыя можно бы тратить на такіе пустяки, какъ исполненіе своего честнаго слова, оно запретило частнымъ лицамъ издать этотъ процессъ на свой счетъ.

Такимъ образомъ, бѣдной «Вольной Русской Типографіи» пришлось исполнять обѣщанія правительства передъ русскимъ обществомъ.

Безцензурное слово сдѣлалось уже новымъ элементомъ въ русской жизни и орудіемъ борьбы тѣхъ партій, у которыхъ нашлось достаточно мужества и умѣнья взять его въ руки.

При такихъ условіяхъ, мы не считаемъ ни преждевременной, ни излишней нашу попытку выступить передъ русской публикой съ вольнымъ, безцензурнымъ журналомъ; да и попытка эта, какъ извѣстно, уже не первая въ Россіи — честь почина на этомъ поприщѣ принадлежитъ нашимъ товарищамъ, издателямъ газеты «Начало».

Мы думаемъ, никто не удивится тому, что, какъ первая попытка безцензурнаго слова внутри Россіи,

такъ и продолженіе ея, выпало на долю русскихъ социалистовъ.

Если вообще все русское общество, лишенное права слова по самымъ существеннымъ для него вопросамъ, справедливо негодуешь на своихъ утѣшителей, то тѣмъ болѣе имѣемъ право не мириться съ подобнымъ положеніемъ мы — социалисты-революционеры. Наша партія, люди нашего образа мыслей поставлены внѣ закона. Для насъ въ предѣлахъ имперіи не существуетъ права слова, ни устнаго, ни письменнаго, не только для защиты своихъ идей, но даже для личной защиты. Даже на право ругать социалистовъ и кидать въ нихъ грязью, котораго такъ ревностно добивалась извѣстная часть нашей прессы, надобно было испрашивать всегда особое разрѣшеніе у предрѣжащихъ властей.

Ругать — значитъ признавать существованіе, бороться, а правительство до сихъ поръ мечтаетъ еще, что вотъ-вотъ оно не сегодня-завтра истребитъ всѣхъ социалистовъ, такъ что никто этого не замѣтитъ и никакого соблазна отъ нихъ не произойдетъ.

Впрочемъ, на ругательства теперь уже выдана carte blanche и ею пользуются.

Естественно, что умирающіе съ голоду первые начинаютъ хлопотать о хлѣбѣ, и социалисты русскіе дѣйствительно съ давнихъ поръ хлопочуть о свободѣ слова, что доказывается, кромѣ вольнаго печатанія внутри Россіи, рядомъ русскихъ изданій за границею.

Но въ настоящее время, удаленная отъ центровъ дѣятельности, оторванная отъ родной почвы, заграничная русская печать уже не можетъ удовлетворять потребностямъ и запросамъ нашей партіи. Предоставляя заграничному печатанію статьи большого объема и чисто научную разработку интересующихъ насъ вопросовъ, мы выступаемъ тутъ съ повременнымъ изданіемъ, главная задача котораго — отвѣчать на запросы текущей жизни.

Есть и другая причина, объясняющая, почему именно социалисты, а не люди другихъ убѣжденій, должны были первые выступить со свободнымъ словомъ на Руси.

Всѣми признано, что социалисты—единственная организованная политическая партія на Руси, которая умѣетъ смѣло, упорно, не боясь никакихъ жертвъ, бороться противъ своихъ враговъ. Какъ-бы не относилось общество къ ея принципамъ и образу дѣйствій, оно не можетъ не признать за ней вышеупомянутыхъ качествъ.

Въ странѣ же, гдѣ свободное слово считается однимъ изъ самыхъ страшныхъ преступлений, эти достоинства имѣютъ первенствующее значеніе.

Не забудемъ того, что за вольное печатаніе безъ разрѣшенія властей, у насъ караютъ сильнѣе, нежели за отцеубійство*)

Не только мы, писатели и издатели нашего журнала, но даже и ты, читатель, взявшій въ руки нашъ листокъ изъ любопытства и не снесшій его въ участокъ только по естественной брезгливости относительно подобныхъ операций,—уже преступникъ: ты попуститель или укрыватель.

Если-же ты, въ порывѣ негодованія, снесешь листокъ къ другу, чтобы показать ему, какую мерзость пишутъ нигилисты,—ты уже распространитель, и горе тебѣ, если судъ не признаетъ смягчающихъ обстоятельствъ!

Однако мы съ перваго шага обнаруживаемъ уже всю нашу полную неумѣлость въ литературномъ ремеслѣ: вмѣсто того, что-бы зазывать публику и кричать: «пожалуйте, у насъ товаръ, у насъ горячій!»—мы говоримъ: «не подходи—укусить!»

Очевидно, надо поскорѣе отрекомендоваться и закончить статью, которая уже въ началѣ грозитъ соскочить съ рельсовъ.

По заглавію читатель уже видитъ, что наша газета—органъ социально-революціоннаго направленія. Каковы наши убѣжденія въ частностяхъ социалистической программы, объ этомъ мы поговоримъ, насколько можно подробно, въ нашей слѣдующей статьѣ. Здѣсь же мы хотимъ опредѣлить наше положеніе какъ относительно другихъ социалистическихъ фракцій, такъ и относительно тѣхъ политическихъ направленій, которыя начинаютъ зарождаться у насъ на Руси.

Есть между русскими социалистами партія, которая отодвигаетъ на задній планъ въ своей программѣ элементъ активной борьбы. Ея главное оружіе—

*) Мы здѣсь говоримъ не о той карѣ, которая написана въ законахъ, а о той, которая существуетъ на практикѣ. За доказательствами просимъ обратиться къ нашей брошюрѣ „За-живо-погребенные“ и сравнить положеніе политическаго преступника, осуждаемаго фактически всегда на безсрочную каторгу, и положеніе ерочно-содержимыхъ уголовныхъ арестантовъ въ тѣхъ же центральныхъ тюрьмахъ.

широкая проповѣдь идей социализма въ народѣ, ближайшая цѣль—образованіе интеллигентнаго социалистическаго меньшинства среди рабочаго люда—основаніе социалистической партіи для активной борьбы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Мы нисколько не отрицаемъ словесной пропаганды *per se*. Мы думаемъ только, что никакая живая партія не можетъ обойтись безъ активной борьбы, безъ практической агитаціи.

Вотъ въ чемъ главная разница между нами и пропагандистами. Какъ легко видѣть, она нисколько не мѣшаетъ намъ желать имъ возможно-полнаго успѣха въ ихъ дѣятельности и помогать имъ гдѣ возможно.

Есть еще одно теченіе въ русскомъ социализмѣ, заявившее себя въ социалистической литературѣ въ заграничномъ органѣ «Набатъ».

Программа его—захватъ въ свои руки власти путемъ заговора или государственнаго переворота, съ цѣлью декретированія новаго политическаго и экономическаго строя.

Мы думаемъ, намъ нѣтъ надобности выяснять здѣсь, что мы не согласны съ такой программой. Заграничный журналъ «Община», издаваемый нашими сотрудниками и товарищами, не разъ имѣлъ случай высказываться по поводу программы социалистовъ-якобинцевъ, и мы сдѣлаемъ здѣсь только небольшую оговорку для выясненія нашихъ отношеній къ этой партіи.

Каковы-бы ни были наши теоретическія несогласія, мы должны признать, что среди нашего общества, страдающаго повальной политической спячкой, среди всеобщаго безправія, партія, стремящаяся подкопать власть современнаго деспотическаго правительства, можетъ облегчить немало борьбу социалистовъ-революціонеровъ.

Дѣятельность якобинцевъ, какъ дезорганизаторовъ власти, встрѣтитъ всегда сочувствіе съ нашей стороны. Въ этомъ они убѣдятся на дѣлѣ, коль скоро примутся за практическую дѣятельность заговорщиковъ-разрушителей.

Этимъ мы могли бы закончить наше предварительное объясненіе съ публикой и товарищами; но намъ надобно объясниться передъ русскимъ обществомъ по поводу тѣхъ напраслинь и обвиненій, которыя съ нѣкотораго времени очень усердно взводятся на насъ.

Увѣряютъ, что мы—противники политической свободы и ненавистники русскихъ «либераловъ» и конституціоналистовъ.

Ненависть къ «либераламъ»?... но кто у насъ называетъ себя этимъ именемъ?

Это люди, утверждавшіе, что Казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года въ честь политическихъ пре-

ступниковъ—произведеіе стариковъ, выжившихъ изъ ума или фортель, выкинутый на «иностранныя деньги».

Это защитники свободы, возмущающіеся тѣмъ, что политическіе пресупники не даютъ себя безнаказанно тиранить жандармамъ.

Это лица, утверждающія, что поступокъ Вѣры Засудичъ—результатъ нравственнаго уродства этой личности.

Это дѣятели прессы, общающіе правительству, въ награду за послабленіе въ цензурѣ, обратиться въ окологородныхъ и сыщиковъ по политическимъ дѣламъ.

Пусть читатель судить самъ, имѣетъ-ли дѣятельность вышеупомянутой категоріи что нибудь общее съ борьбой за политическую свободу?

Насчетъ конституціонныхъ вождельній мы пока ничего сказать опредѣленнаго не можемъ. Наши отношенія къ нимъ опредѣлятся, когда конституціоналисты выступятъ какъ дѣйствующая партія.

Но они могутъ быть увѣрены въ одномъ, что всякая попытка борьбы за права человѣка, за расширеніе свободы мысли намъ не менѣе дорога, чѣмъ русскимъ либераламъ.

Мы надѣемся, что и наше настоящее предпріятіе, хотя начатое въ интересахъ служенія нашей партіи, сослужитъ службу и дѣлу свободы слова вообще. Можетъ быть существованіе нашего журнала убѣдитъ правительство, насколько бессмысленно вымарывать строчки, когда подъ-носомъ у него расходятся цѣлыя листы.

Можетъ быть найдутся люди, которые послѣдуютъ нашему примѣру и, не дожидаясь тѣхъ блаженныхъ временъ, когда мы будемъ имѣть дѣйствительную свободу печати, примутся распространять свои мысли посредствомъ тайныхъ станковъ.

Такова ужъ, вѣрно, судьба русскаго общества, что все свободныя идеи должны проникать въ него подпольнымъ путемъ.

Съ полнымъ довѣріемъ и надеждою на сочувствіе всѣхъ друзей свободнаго слова, выпускаемъ мы въ свѣтъ первый № нашего журнала.

Ида, наше дѣтище, къ друзьямъ и врагамъ, ницѣ друзей себѣ, ницѣ друзей свободному слову!

Не смущайся ни своимъ скромнымъ, бѣднымъ костюмомъ, ни неласковымъ приѣмомъ, который ты встрѣтишь во многихъ мѣстахъ.

Знай, что многіе изъ тѣхъ, которые встрѣтятъ тебя съ хмурыми, недовольными лицами и даже грубо вытолкнутъ тебя за дверь, втихомолку порадуются твоему рожденію на свѣтъ.

Земля и Воля! — вотъ два магическихъ слова, много разъ поднимавшія изъ глубины Россіи могучія стихійныя движенія. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянства отъ одного конца Россіи и до другого.

Земля и Воля!—вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, социалисты—народники 60-хъ годовъ.

Тѣ же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно нерасчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ возстаній и кончая Парижской Коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширенія, необходимымъ образомъ развиваетъ, очищаетъ и совершенствуетъ тѣ революціонныя элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

Революція—дѣло народныхъ массъ. Подготавливаетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего направить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организовавъ народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Въ этой роли, они—ничто; въ предѣлахъ ея, они—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.

Во все времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ Земли и Воли!

Земли — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами.

Отнятіе земель отъ помещиковъ и бояръ; изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, ответственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ—социалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры-на-родники.

Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ, революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанию необходимости экспроприации фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское социалистическое движеніе, еслибъ оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось бы съ первыхъ же шаговъ на вопросъ о социализмѣ аграрномъ.

По тѣмъ же причинамъ не станемъ мы предрѣшать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго социалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ же будущее будущему. Настоящему предстоитъ достаточно громадная задача: осуществленіе народно-революціи, которая одна въ состояніи развить будущій социалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ социализма, которыя уже созданы въ умахъ народа.

Въ шестидесятыхъ годахъ русская партія движенія впервые написала на своемъ знамени — **Н а р о д н а я Р е в о л ю ц і я**.

Въ семидесятыхъ—движеніе изъ кружкового переходитъ въ общее, массовое, повальное, которое, несмотря на кровавыя гоненія, идетъ все впередъ, ставясь съ каждымъ годомъ все шире и грознѣе.

Мы стоимъ въ концѣ стараго десятилѣтія на рубежѣ новаго, переживая эпоху очевидно первостепенной важности, какъ по интенсивности революціонной работы, такъ и по совершенно-особому характеру, который она принимаетъ.

Разобраться въ массѣ фактовъ послѣдняго времени, выяснитъ, какия теченія опредѣлились, какия стремленія обнаружались въ средѣ нашей народно-революціонной партіи—вотъ задача, которая предстоитъ первому номеру нашего журнала.

Каковы наши силы? Каково положеніе? Каковы шансы побѣды?

Грозна поднимается стовсюду могучая подземная сила. Какое лучше зеркало для бойца, какъ не лицо его противника? Смотрите же, какъ искажилось оно у нашихъ враговъ, какъ мечутся они, обезумѣвшіе отъ ужаса, не зная, что предпринять, чѣмъ спастись отъ таинственной, неуловимой, непобѣдимой силы, противъ которой безсильны всѣ человѣческія средства.

Что-нибудь дѣйствительно ужасное должно было со-

вершиться, чтобы внушить такой страхъ нашимъ врагамъ.

Да, дѣйствительно: на нашихъ глазахъ совершается явленіе по-истинѣ необыкновенное, быть можетъ, единственное во всей исторіи: «горсть» смѣлыхъ людей объявляетъ войну на-смерть всемогущему правительству, со всѣми его неизмѣримыми силами: она одерживаетъ надъ нимъ одну за другою нѣсколько кровавыхъ побѣдъ; во многихъ мѣстахъ обуздываетъ до-толѣ ничѣмъ необузданный произволъ и быстрыми шагами идетъ къ побѣдамъ еще болѣе блестящимъ и рѣшительнымъ.

«Чудовище», жившее до сихъ поръ гдѣ-то подъ землею, занимаясь подкапываніемъ разныхъ «основъ», вдругъ отъ времени до времени начинаетъ высовывать наружу одну изъ своихъ лапъ, чтобы придушить то ту, то другую гадину, которая слишкомъ надоѣстъ ему. И при каждомъ своемъ появленіи на свѣтъ, «чудовище» обнаруживаетъ все большую и большую дерзость и беспощадность въ исполненіи своихъ кровавыхъ замысловъ и все большую и большую ловкость и быстроту въ укрываніи своихъ слѣдовъ.

Ужасъ охватываетъ враговъ. Онъ передается и зрителю. Что если, думаетъ онъ, «чудовище», разлакомившись человѣческимъ мясомъ и не находя болѣе жертвъ предъ собою, кинетъ свой свирѣпый взглядъ на самихъ зрителей? Ему уже чудится*), что налитые кровью глаза останвятся на немъ, съ быстротою молніи вытягивается чья-то лапа...

Зритель, успокойся!

Социализмъ—высшая форма всеобщаго, всечеловѣческаго счастья, какая только когда-либо выработывалась человѣческимъ разумомъ. Нѣтъ для него ни пола, ни возраста, ни религіи, ни національности, ни классовъ, ни сословій! Всѣхъ зоветъ онъ на чудный пиръ жизни, всѣмъ дастъ онъ миръ, свободу, счастье, сколько каждый можетъ взять!

Въ этомъ, и только въ этомъ та непреодолимая, чарующая сила, которая влечетъ въ ряды социалистовъ все свѣжее, чистое, безкорыстное. Только въра въ свое служеніе всему человечеству способна возбудить тотъ пламенный, чисто-религіозный фанатизмъ, который одушевляетъ социалистовъ и дѣлаетъ ихъ неодолимыми, непобѣдимыми, потому что самыя гоненія превращаются для нихъ въ источникъ высочайшаго блаженства на землѣ—блаженства мученичества и самопожертвованія.

Господа флистеры! Повѣрьте же, что для насъ личность человѣка не менѣе священна, чѣмъ для васъ, рукоплещущихъ безцѣльному истребленію сотенъ тысячъ людей изъ-за честолюбивыхъ династическихъ фантазій и допускающихъ гибель миллионъ рабочаго люда, чтобы только не поступиться нѣкоторой долей своихъ скотскихъ наслѣдствій.

Если мы прибѣгли къ книжку, то значитъ дѣйствительно не оставалось другихъ средствъ заставить уважать наши священныя человѣческія права.

Съ той же минуты, какъ наша свобода и наша личность

*) См. „Голосъ“.

будутъ гарантированы отъ произвола, мы безусловно прекращаемъ ту систему самосуда и самозащиты, къ которой вынуждены прибѣгать теперь. Признайте за нами наши человѣческія права—и мы будемъ свято чтить вами. Мы не прекратимъ нашей социально-революціонной дѣятельности, т. е. борьбы за полное освобожденіе человѣка отъ всякаго порабощенія и прежде всего порабощенія труда капиталу. Но тогда нашими противниками являются привилегированныя сословія, какъ цѣлое. Отдѣльныя личности перестаютъ имѣть какое бы то ни было значеніе, и потому борьба принимаетъ совершенно иной характеръ.

До тѣхъ же поръ, пока останется въ дѣйствіи нынѣшняя система, основаніемъ которой служить произволъ отдѣльной личности, начиная отъ царя и кончая будочникомъ, произволъ всевозможныхъ размѣровъ, отгнѣковъ и видовъ, произволъ регулируемый, усиливаемый, ослабляемый опять же произволомъ,—до тѣхъ поръ врагами нашими, врагами человѣчества, интересы котораго олицетворяетъ социализмъ, являются отдѣльныя личности. Поэтому мы будемъ вести самую безпощадную войну противъ этихъ личностей.

Вотъ смыслъ, цѣль и характеръ тѣхъ дѣяній, которыя въ послѣднее время такъ громко отозвались не только по всей Россіи, но и по всей Европѣ, какъ факты, если не наиболѣе важныя, то наиболѣе яркія въ нашей дѣятельности.

Теперь по поводу нихъ два слова уже нашимъ друзьямъ и товарищамъ.

Не ободрять, не звать ихъ на продолженіе начатой борьбы намѣрены мы: мы очень хорошо знаемъ насколько излишни для нихъ и ободренія и призывы. Мы, напротивъ того, хотимъ предостеречь ихъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія этого рода борьбой, такъ какъ есть признаки, показывающіе возможность такого рода увлеченія.

Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы—это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго—охранять этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обративъ все наши силы на борьбу съ правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнавшись за случайной, временной.

Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны—со стороны тактики партій. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегиро-

ванные сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ—всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имѣетъ во всякомъ случаѣ дастъ возможность сѣорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, социалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ.

Направивъ все свои силы на борьбу съ правительствомъ, мы, конечно, сильно ускоримъ его паденіе. Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своей побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклѣ: «Еще одна такая побѣда—и я, безъ войска поплыву въ Эпиръ!» Цѣною кровавой борьбы и несомнѣнно-тяжкихъ жертвъ мы ничего не приобрѣтемъ для своего дѣла. Разбитый, но никѣмъ не преслѣдуемый врагъ будетъ имѣть все нужное ему время, чтобы укрѣпиться на новой позиціи, и намъ снова придется брать ее открытымъ нападеніемъ подъ его усиленнымъ огнемъ, преодолевая все воздвигнутыя имъ препятствія.

Только тѣсная связь съ народомъ можетъ дать намъ возможность воспользоваться тѣмъ замѣшательствомъ, которое всегда сопровождаетъ перемѣну системы, и разомъ создать могучую силу, которая не дастъ нашимъ новымъ врагамъ укрѣпиться, какъ въ Западной Европѣ, высосавъ изъ народа его послѣдніе соки.

Повернемъ же теперь свой фонарь на другія картины, освѣтимъ, насколько это намъ возможно, тотъ черный подземный міръ, міръ скорби и мукъ, гдѣ медленно зрѣютъ сѣмена будущаго, гдѣ изъ безчисленныхъ, разнообразнѣйшихъ элементовъ слагается та великая равновѣствующая, которая двигаетъ ходомъ исторіи.

Мы говорили до сихъ поръ о нашей дѣятельности въ сферахъ внѣнародныхъ. Скажемъ теперь о нашей дѣятельности въ самомъ народѣ.

Много ли мы сдѣлали до сихъ поръ въ этомъ направленіи?

Нѣтъ, мы сдѣлали мало, чрезвычайно мало. Будемъ имѣть мужество сознаться въ этомъ откровенно, не боясь ни злорадства враговъ, ни ропота друзей. Другимъ мы скажемъ: мы достаточно сильны, чтобъ не нуждаться въ искаженіи истины. Врагамъ мы отвѣтимъ: погодите радоваться!

Повторяемъ: въ народѣ мы сдѣлали очень, очень мало. Намъ укажутъ на такихъ личностей, какъ Малюковскій, Крыловъ, Зарубаевъ, Союзовъ, Агановъ—крестьянъ и рабочихъ, мученичествомъ запечатлѣвшихъ свою преданность дѣлу социальной революціи.

Намъ укажутъ на еще большее число рабочихъ и крестьянъ, съ честью продолжающихъ до сихъ поръ свое служеніе этому святому дѣлу.

Намъ укажутъ на дѣло несравненно болѣе важное, на то, что своей неустанной работой, своими кровавыми жертвами русскіе социалисты пробили уже во мно-

гихъ мѣстахъ, если не вполнѣ разрушили, ту вѣковую стѣну, которая раздѣляла ихъ отъ народа. Городскіе рабочіе уже отличаютъ «студента» отъ «барина». Нетолько лучшіе, но и обыкновенные, средніе рабочіе знаютъ, что эти «студенты», какъ они называютъ социалистовъ, не баре, которые «бунтуютъ противъ царя», за то, что онъ крестьянъ отнял, какъ говаривалось 4—5 лѣтъ тому назадъ, а добиваются лучшихъ порядковъ для крестьянства и для нихъ, рабочихъ, и что за это начальство и преслѣдуетъ ихъ. Нѣкоторыя имена, которыя съ благоговѣніемъ повторяетъ вся молодая Россія, съ такимъ же чувствомъ повторяются устами тысячъ рабочихъ.

Намъ укажутъ, наконецъ, на такіе города, какъ Одесса, гдѣ рабочіе на дѣлѣ заявили свою солидарность съ социалистами, какъ своимъ адресомъ въ день годовщины Парижской Коммуны, такъ еще болѣе своимъ участіемъ во всѣхъ уличныхъ движеніяхъ послѣдняго времени.

Все это совершенно справедливо. Есть изъ среды народа герои-мученики; есть и агитаторы-революционеры. Массы начинаютъ понимать насъ.

Все это результаты очень важныя сами по себѣ, но ничтожныя по сравненію съ тѣми силами, которыя на нихъ были употреблены, и съ тѣми жертвами, которыхъ они стоили.

Мы, русскіе, слишкомъ богаты импульсивными силами, и потому не знаемъ имъ цѣны и готовы тратить ихъ съ расточительностью мота, не понамающего цѣны своимъ богатствамъ.

Человѣкъ, преданный идеѣ, рѣшившійся посвятить ей всю свою жизнь, готовый принять за нее всѣ муки, не страшась самой смерти, такой человѣкъ представляетъ силу по-истинѣ громадную. Не единицы и не десятки, а тысячи послѣдователей увлекаетъ онъ за собой. И не слабое воспоминаніе, а глубокий, неизгладимый слѣдъ оставляетъ онъ за собой въ исторіи. Если же при этомъ природа надблизала его исключительными талантами, тогда изъ такихъ людей являются Іоанны Лейденскіе, Мараты, Варлены.

Ну, а развѣ между нами нѣтъ людей съ исключительными талантами? Отчего же ихъ дѣятельность въ народѣ дала такіе ограниченные результаты?

Посмотрите на Западную Европу. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ въ шестидесятыхъ годахъ, т. е. одновременно съ нами, провозгласили необходимость народной революціи для освобожденія народа. Это были основатели Интернаціонала съ его принципомъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ рукъ самихъ рабочихъ».

Черезъ десять лѣтъ Интернаціоналъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ нѣсколько сотъ тысячъ членовъ.

Отчего же произошелъ ихъ успѣхъ?

Отъ большей ли энергіи, преданности и самоотверженія пропагандистовъ народной революціи на Западѣ?

Нѣтъ. Мы знаемъ большинство этихъ людей и можемъ смѣло сказать, что русскіе социалисты никому изъ нихъ не уступаютъ въ этомъ отношеніи.

Отъ большей ли своевременности ихъ проповѣди на Западѣ?

Нѣтъ: страданія русскаго народа еще ужаснѣе, будущее его еще безнадежнѣе. Значитъ, еще громче и единодушнѣе долженъ бы онъ отозваться на призывъ къ освобожденію.

Не во внутреннихъ, а во внѣшнихъ причинахъ должно, стало быть, искать сравнительной скромности результатовъ нашей дѣятельности въ народѣ. Не глухъ народъ, не безголосые и мы. Мы только говорили съ народомъ до сихъ поръ на непонятномъ народу языкѣ.

Взгляните на интеллигенцію. До сихъ поръ никто изъ насъ не посвящалъ себя серьезно дѣятельности въ средѣ интеллигентной молодежи. Въ своемъ увлеченіи народничествомъ, мы открепивались не только отъ всей гнили той среды, изъ которой вышли, но даже отъ того свѣжаго, сильнаго, хорошаго, что въ ней покидали. Поэтому въ молодежи каждый изъ революціонеровъ-социалистовъ дѣйствовалъ только скрѣпя сердце, стремясь бросить эту дѣятельность при первой же возможности.

Но здѣсь мы не были иностранцами. Каждое наше слово было такъ же понятно и близко тѣмъ, къ кому мы его обращали, какъ и намъ самимъ. Здѣсь мы были своими людьми. Поэтому, несмотря на такое совершенно неразумное отношеніе къ дѣлу, — смотрите, какіе результаты: нѣтъ почти семьи, которая не поставила бы своего солдата въ наши ряды. И это не временное увлеченіе, начуть: поставка борцовъ въ ряды социалистовъ-революціонеровъ превратилась точно въ особаго рода рекрутскую повинность для привилегированныхъ сословій. А между тѣмъ, здѣсь призывъ совершается во имя интересовъ чуждыхъ, во вредъ интересамъ своимъ и своихъ близкихъ!

Такъ же успѣшна, какъ въ интеллигенціи, такъ же успѣшна какъ на Западѣ, будетъ наша работа въ средѣ народа, если мы дѣйствительно станемъ народными людьми.

Мы, русскіе, страдаемъ вообще скромностью; невѣримъ въ свои силы. Тѣмъ не менѣе, кто изъ насъ скажетъ, что мы слабѣ тѣхъ полуграмотныхъ, неразвитыхъ, иногда далеко не правдивыхъ отставныхъ солдатъ, деревенскихъ бабъ и мужиковъ, дѣйствующихъ напр. въ расколѣ, гдѣ они такъ часто поднимаютъ массы народа и ведутъ ихъ за собою во имя какихъ нибудь дикихъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ идей, привлекательныхъ для народа лишь какой нибудь каплей правды, которая таится въ нихъ? Отчего же за нами, предлагающими народу полной чашей эту самую, дорогую для него правду, идутъ отдѣльные личности изъ народа, а не массы? Бросимъ ту иноземную, чуждую нашему народу форму нашихъ идей, заменимъ ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна, — пойдетъ онъ и за нами. Пять лѣтъ тому назадъ мы сбросили нѣмецкое платье и одѣлись въ сѣрмягу, чтобы быть принятыми народомъ въ его среду. Теперь мы видимъ, что этого мало, — пришло время сбросить и съ социализма его нѣмецкое платье и тоже одѣть въ народную сѣрмягу.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже одинъ фактъ первостепенной важности, знаменующій собою этотъ переходъ социалстовъ на почву чисто народную. Стефановичъ съ друзьями въ чагаринской глуши создаетъ первую въ нашей революціонной исторіи народную организацію, безусловно революціонную и народно-соціалистическую, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ охватываетъ собою до полуторы тысячи крестьянъ. Революціонеры-соціалисты здѣсь становятся впервые дѣйствительными, признанными вождями народныхъ массъ.

Было бы крайней близорукостью и даже нарушеніемъ основного принципа народнической программы рекомендовать способъ дѣйствія Стефановича для всѣхъ мѣстностей и народностей русской земли.

Каждая мѣстность и каждая народность имѣютъ свою индивидуальную физиономію, и сообразно съ нею должны имѣваться способы дѣйствія въ каждой изъ нихъ.

Можно не соглашаться съ тѣми принципами и приемами, къ которымъ, подъ давленіемъ мѣстныхъ условий и крестьянскаго міросозерцанія, прибѣгли въ чагаринскомъ дѣлѣ социалсты. Не въ нихъ, не въ частныхъ приемахъ, которые будутъ разнообразны до безконечности, с образно съ мѣстными условиями, заключается громадное значеніе подобныхъ попытокъ, а въ томъ, что они впервые показываютъ намъ возможность вызвать на свѣтъ могучую, чисто-мужицкую революціонную организацію, исходя изъ мѣстныхъ крестьянскихъ интересовъ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ мы поговоримъ подробно объ этой части нашей программы, а также и о чагаринскомъ дѣлѣ со всеми его достоинствами и неизбежными несовершенствами. Здѣсь же скажемъ: дѣлу этому, подобно дѣлу Засуличъ, суждено быть однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи русской революціи. Какъ дѣло Засуличъ разомъ измѣнило характеръ нашей борьбы съ правительствомъ, такъ это дѣло измѣнитъ характеръ нашей дѣятельности въ средѣ народа.

Оставьте катехизисы и учебники! Погрузитесь въ великое море народное, раскройте ваши очи, разверзайте уши. Прислушайтесь къ рокотанію волнъ народной жизни, уловите ту струю, которая прямо брызжетъ изъ сердца народнаго, и тогда смѣло беритесь за руль вашей лодочки и сильнымъ ударомъ бросайте ее туда, въ самую середину ея. Радостно подхватитъ она васъ и высоко-высоко подброситъ на своихъ могучихъ волнахъ! Труденъ вашъ путь: много утесовъ и подводныхъ скалъ коварно сторожатъ васъ на пути. Не мало водоворотовъ въ глубинахъ этого неизвѣданнаго моря. Не легко отличить дѣйствительно жизненное стремленіе массы отъ уродливыхъ, болѣзненныхъ продуктовъ ея ненормальныхъ условий. Но развѣ трудности пугаютъ бойца? Развѣ не въ нихъ черпаетъ онъ новыя силы для ихъ преодоленія? Идите! Вѣруйте въ свой народъ, вѣруйте и въ себя. И вы будете сильны въ бою, тверды въ невзгодѣ.

Много васъ погибнетъ, но уже не съ горькимъ сознаніемъ бесплодности своей гибели, не во мракѣ ка-

зематовъ, а во главѣ народныхъ массъ, въ борьбѣ за святое дѣло ихъ освобожденія!

Мы твердо вѣруемъ въ то, что русская народно-революціонная партія сумѣетъ пойти по этому новому пути, сумѣетъ избѣгнуть всѣхъ его опасностей, создастъ народную силу—грозную, могучую, непобѣдимую.

Мы вѣримъ въ будущность Русской Народной Революціи!

ФЕЛЬЕТОНЪ

ПИСЬМО ЧИСТОСЕРДЕЧНАГО РОССІЯНИНА.

I.

«Фу ты, какая жара! хоть бы какой чертъ намъ конституцію далъ!»—заявилъ однажды въ жаркій июльскій день одинъ изъ моихъ знакомыхъ, вваливаясь ко мнѣ въ комнату. Упованіе, что конституція принесетъ намъ прохладу, какъ помню, очень развеселило меня; но теперь, одумавшись, я нахожу, что встрѣтилъ въ моемъ знакомомъ только доведенное до крайности выраженіе общаго желанія, или, лучше сказать, чаянія большинства русскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, сознаемся, наконецъ, хоть разъ печатно въ томъ, что давно уже не секретъ ни для кого. Всѣ мы недовольны: социалсты, тѣ ужъ такой скверный и безпокойный народъ, который никогда ничѣмъ доволенъ быть не можетъ. О нихъ и говорятъ нечего. Всѣ благоразумные и солидные люди давно ужъ махнули на нихъ рукой, давно порѣшили, что ихъ удобнѣе всего урезонивать палкой. Но у насъ на Руси тѣ-же солидные люди, которые подчасъ готовы составить подписку и объявить конкурсъ на премію за наилучшій способъ изведенія социалстовъ и насочинять адресовъ въ этомъ смыслѣ,—сами тоже непременно чѣмъ нибудь да недовольны, а въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ недовольны. Многие и адреса и подписки устраиваютъ въ надеждѣ, что авось-можь за мою вѣрную службу гдѣ слѣдуетъ вспомнить наконецъ о моемъ недовольствѣ и примутъ его во вниманіе. Недовольны мы и состояніемъ нашихъ школъ, недовольны мы и новыми судами и судьями, судьи въ свою очередь недовольны. Недовольны мы и результатами войны, и интенданствомъ, и печатью. Недовольна публика, раскупающая газету Суворина, недоволенъ и Суворинъ, у котораго публика раскупаетъ газету.

Поводилыщики нашего главнаго барина, кажется, уже могли-бы быть довольны своимъ положеніемъ. Но и они, какъ оказывается на повѣрку, не чужды общаго недуга. Положимъ, Александръ II, еслибъ онъ былъ такъ же откровененъ, какъ біблейскій пророкъ, долженъ былъ бы сказать про себя: «азъ есмь трость книжника-скорописца», или, правильнѣе, книжниковъ-скорописцевъ (Мезенцевыхъ, Адлерберговъ, Тимашевыхъ, Паленовъ и т. д.). Положимъ, что этимъ скорописцамъ стоитъ только обмахнуть свою трость въ какую-нибудь жидкость наркотическаго или воспламеняющаго свойства, способную марать бумагу.

и дѣло сдѣлано. Императоръ—трость самъ уже начнетъ кувиркаться и выдѣлывать на бумагѣ такіе выкрутасы, какіе имъ нужны. Но занятіе это обременительно для поводительщикоувъ. Все—таки они сознають, что они—лакеи, командующіе бариномъ. Самому быть независимымъ бариномъ гораздо лучше. Къ тому—же, трость—императоръ можетъ споткнуться и на гладкомъ листѣ бумаги наставить точекъ и запятыхъ, надѣлать кляксовъ, которые предупредить бываетъ очень трудно, а исправить или выскоблить изъ памяти у кого бы то ни было—невозможно.

Нѣтъ, и поводительщики недовольны. *)

Поговорите по душѣ съ любимымъ изъ недовольныхъ; спросите его съ глазу на глазъ, когда онъ увѣренъ, что его не подслушиваютъ: чего же вамъ не достаетъ, чего же вы хотите?

Навѣрно изъ десяти девять отвѣтятъ вамъ шопотомъ, боязливо озираясь по сторонамъ:

«Кабы намъ habeas corpus да конституцію, хоть такую, какую имѣють отъ царя зубры въ Бѣловѣжской пуцѣ, ну тогда еще можно бы жить!»

Что же это за лекарство отъ всѣхъ золъ? Что подразумѣвають подъ словомъ конституція наши недовольные? Почему сложился у насъ теперь такой культъ этому невѣдомому богу?

Въ министры большинство недовольныхъ не мѣнить, въ депутаты русскаго парламента или земской думы—тоже, вѣроятно, рассчитываютъ понасть немногіе.

Обыкновенный, заурядный обыватель связываетъ съ конституціей другія перемѣны въ своей гражданской обстановкѣ: будетъ конституція, думаетъ обыватель,—будетъ у насъ гласность, свобода печати, всякую несправедливость можно будетъ наружу выводить.

Будетъ конституція—не будутъ деньгами нашими распорядяться безконтрольно Горвицы и Коганы.

Нѣкоторые, болѣе смѣлые въ своихъ мечтахъ, связываютъ съ конституціей представленіе о свободѣ собраний и ассоціацій, и всѣ безъ исключенія надѣются помощью нея избавиться отъ главнаго, нестерпимаго зла нашей земли—административнаго произвола, самодержавія станovýchъ, исправниковъ, урядниковъ и маандармовъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ вяжется непременно представленіе, что эту самую конституцію, т. е. всю сумму новыхъ порядковъ, желательныхъ для насъ, дастъ или можетъ дать только царь, и дастъ тогда, когда онъ самъ вздумаетъ.

Не одинъ разъ волновалось русское общество слухомъ, что вотъ—вотъ придетъ желанный мессія, и при каждомъ чрезвычайномъ событіи на Руси снова усиливается эти слухи.

Ждали, что вотъ послѣ турецкой войны царь объявитъ: «да будетъ конституція!» Говорили на Руси, что не то Побѣдоносцевъ, не то баронъ Жомини съ графомъ Игнатьевымъ уже гдѣ—то заперлись и пишутъ эту самую конституцію.

Скептики охлаждали эти надежды, но пришествіи мессіи стричать не рѣшались. «Вся конституція

*) «Помилуйте, развѣ можно что-нибудь сдѣлать при нашемъ драчкомъ правительствѣ!» — сказалъ одинъ изъ насъ.

ограничится допущеніемъ сословныхъ представителей въ парламентъ»—авторитетнымъ тономъ говорили они.

«Пустяки ваша конституція», говорили другіе; «значенъ слишкомъ высокой цензъ: 1500 десятинъ!»

Очнулось общество отъ этихъ грезъ только тогда, когда вмѣсто конституціи ему подарили указъ объ расширеніи правъ полиціи, той самой полиціи, отъ которой откупаются пятнадцатинными и двугривенными, той самой, которая поставляетъ, когда нужно, жесвидѣтелей по дѣламъ Масниковыхъ. Словомъ, той самой полиціи, которую споконъ вѣку третируютъ ея санайе, отъ глазъ которой заботливо прячуть всякую цѣнную вещь въ домѣ.

Опомнились російскіе граждане только тогда, когда эти самыя полицейскіе получили отъ его величества безденежно индульгенцію на всѣ грѣхи, которые имъ заблагоразсудится совершить противу публики.

Опомнились, но не на долго. Скоро пошли опять легенды о конституціи. Стали появляться слухи, что старый царь не дастъ конституціи—иначе никакой реформы ужъ не останется на долю Александра III.

И вотъ вѣрноподанные стали громко кричать «ура!» и «многая лѣта!» и вопрошать про себя, какъ въ извѣстной русской пѣснѣ:

„Государь ты мой, Сидоръ Карповичъ,
„Скоро-ль ты помере?“

Государь Сидоръ Карповичъ не отвѣтилъ «въ среду, матушка» на этотъ негласный вопросъ. Вѣроятно, онъ скорѣе бы отвѣтилъ: «послѣ дождичка въ четвергъ», «въ сухую пятницу» или что нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ, повидимому, ему умерать во все не хочется.

А русская публика все ждетъ да ждетъ, не будетъ ли какого казуса, послѣ котораго могло бы взбрести царю на мысль пожаловать ей конституцію.

Говорятъ, даже по поводу приключенія съ Мезенцевымъ снова начали мечтать наши либералы о пожалованіи имъ конституціи.

На этотъ разъ впрочемъ, вмѣсто конституціи, пожаловали намъ всѣ права и преимущества военнаго положенія и, должно—быть въ качествѣ предтечъ политическаго освобожденія, поставили по улицамъ казакъ съ уфѣсистыми пагайками и пѣшихъ гвардейцевъ съ бляхами.

Довольны или недовольны этой «реформой» столичные обыватели—я не знаю. Знаю только, что въ данномъ случаѣ они сами накликали на себя эту «реформу». Даже «Голосъ» перемѣнилъ свою обычную manière de parler, что если—бы свобода печати, то онъ бы не допустилъ и т. д., а принялся, какъ добрый добзжачій кричать: «ату его!»

Это впрочемъ не касается главнаго сюжета моей бесѣды съ читателемъ: прошу извиненія за отступление и снова обращаюсь къ старому вопросу.

Какъ же быть теперь? Вотъ и казаки появились на улицахъ, стоятъ уже скоро два мѣсяца, жестоко скачуютъ; лошади ихъ успѣли обломать себѣ всѣ копыта объ мостовую—а конституціи все нѣтъ да нѣтъ.

Неужели такъ и порѣзнымъ ждать вѣсешества Александра III? Вѣдь желать смерти своему ближнему—

грѣхъ, а въ данномъ случаѣ, кромѣ грѣха, еще тяжкое преступленіе, предусмотрѣнное очень внимательно нашими законами.

Шутки въ сторону, а жить въ ожиданіи, что, молъ, богъ дастъ, баринъ «вольную» пожалуетъ, и при этомъ еще претерпѣвать реформы да восточные и западные вопросы, утѣшаясь тѣмъ, что наши архитекторы и «прирожденные витязи», побитые подъ Плевной, одерживаютъ блистательныя побѣды въ конюшняхъ парижской выставки, и считать за великую честь себѣ, что наши молодые господа пьютъ шампанское въ редакціи центрального органа парижскихъ домовъ терпимости, Фигаро, — куда какъ приятно!

У насъ, у русскихъ, немало хорошихъ пословицъ, вродѣ: «самъ плохъ—не дастъ богъ», «дѣтя не плачетъ—мать не разумѣетъ» и т. п., и мы ихъ очень крѣпко держимся въ домашнемъ обиходѣ; а чуть дѣло коснется вопросовъ общественной жизни—мы ждемъ непременно, что намъ жареные голуби будутъ сами валиться въ ротъ. Стоять разиня ротъ и хлопать глазами—положеніе до такой степени и привычное для насъ и приятное, что мы изобрѣли цѣлые десятки разныхъ глубокомысленныхъ и даже изящныхъ формулъ для обозначенія такого состоянія. То мы называемъ его «выжиданіемъ событий», то «слѣдованіемъ мудрымъ указаніямъ правительства», то «путемъ мирнаго развитія», то «логикою вещей», словомъ—и не переберешь всѣхъ такихъ хорошихъ словъ.

Плоды этихъ хорошихъ словъ уже приходится вкушать намъ теперь, и хотя мы увѣряемъ всѣхъ, что они очень сладки, однако, разжевавъ хорошенько какой-нибудь изъ такихъ послѣреформенныхъ фруктовъ или овощей, непременно ощущаешь въ немъ зубами то кусочекъ ременнаго кнута, то обломокъ шпичрутена или розги, то заклепку отъ кандаловъ.

Вспомнимъ въ самомъ дѣлѣ, господа, то время, когда на насъ опрокинулся рогъ изобилія реформъ. Мы ихъ, если припомниме, ждали, толковали объ нихъ, но ничего для достиженія ихъ не дѣлали; а тѣ, которые дѣлали что-нибудь, отправлены были къ Макару для гонанія телятъ, какъ элементъ неудобный среди общества, способнаго только развѣвать ротъ для кричанія «ура!» и улавливанія подачекъ.

Отчего же вышло такъ, что намъ, несмотря на всю нашу кротость, приходится только претерпѣвать эти благія реформы? Крестьянская реформа самымъ чувствительнымъ образомъ заявила себя въ недоимкахъ, земская—въ новыхъ обложеніяхъ, печатная—въ предостереженіяхъ и запрещеніяхъ и т. д.

Отчего все, что такъ манило насъ въ этихъ реформахъ, оказалось такимъ же мимолетнымъ сновидѣніемъ, какъ и Сантъ-Стефанскій договоръ?

Неужели во всемъ виновата опять никому невѣдомая злодѣйка—«сила вещей», на которую все сваливаемъ мы всегда?

Или, можетъ, виноватъ во всемъ злоехидный Александръ II, который сознательно подтасовывалъ и передергивалъ карты, играя съ нами въ реформы?

Я не поклонникъ Александра II, но послѣднее предположеніе готовъ оспаривать до слезъ.

Вѣрнѣе предположить, что онъ и самъ мысленно давалъ намъ реформы не на поддержаніе только, а въ вѣчное владѣніе.

Онъ, вообще, добрый человекъ.

Это доказывается, во первыхъ: тѣмъ, что онъ запретилъ мужиковъ съѣчь не по закону, а велѣлъ ихъ съѣчь по закону, въ опредѣленное время, передъ сборомъ подушныхъ; во вторыхъ: тѣмъ, что онъ плакалъ въ госпиталѣ около солдатъ, раненыхъ подъ Плевной въ такъ называемомъ «имянинномъ штурмѣ»; въ третьихъ, и это главное: онъ выпить любитъ. Злые, свирѣпыя и злоехидные люди рѣдко любятъ закладывать за галстухъ.*)

Какимъ бы онъ ни былъ, однако, хитрецомъ, если бы реформы эти мы достали своими боками, цѣнили бы ихъ, оберегали покрѣпче, не стояли-бы разиня ротъ; словомъ, если бы эти реформы были не подарками, не феями, слетѣвшими съ облаковъ,—мы бы съумѣли ихъ удержать во всей ихъ полнотѣ.

Наша исторія съ реформами напоминаетъ мнѣ одинъ анекдотъ, случившійся на зарѣ нашего либеральнаго и реформеннаго возрожденія.

Въ видахъ слиянія сословій, господа дворяне пригласили съ собой откушать купца. Послѣднему было объяснено, что сословія должны слиться, а потому онъ, купецъ, и будетъ торжественно въ дворянскомъ собраніи обѣдать за однимъ столомъ съ предводителемъ и прочими тузами. Бѣдный купецъ, однакоже, вовсе не освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и правами. Онъ страшно конфузился, сидѣлъ за столомъ, какъ на иголкахъ. Оффиціанты замѣтили, разумѣется, что за птица сидитъ вмѣстѣ съ господами дворянами, и потому безъ церемоніи обнесли его нѣсколькими блюдами.

Дворяне съ начала обѣда толковали купцу о соединеніи сословій. Предводитель ласково спрашивалъ неопита: «какъ ваше мнѣніе Потапъ Васильевичъ», когда заходилъ оживленный разговоръ, на что послѣдній, съ робостью и привскакивая со стула, неизмѣнно отвѣчалъ: «какъ прикажете, Ваше Превосходительство». Но подъ конецъ обѣда господа дворяне потеряли всякій респектъ къ члену вновь присоединеннаго сословія. Одинъ помѣщикъ даже подсунулъ ему стаканъ чуть не къ носу, со словами: «а налеі-ка мнѣ, братецъ!» Послѣ трапезы дворяне, подвыпивъ разумѣется, заявили бѣдному купцу, что всѣ купцы—аршинники и хамы и что ихъ нельзя пускать въ благородное общество.

Мы, получивши наши реформы, держали себя, ни дать ни взять, какъ купецъ, бывшій первой жертвой слиянія сословій.

Есть ли какая нибудь гарантія, что мы съумѣемъ вести себя съ большимъ достоинствомъ, когда намъ пожалуютъ большую реформу—конституцію?

Вотъ, другое дѣло, если-бъ намъ не пожаловали, а мы сами добыли себѣ конституцію. Добытое своимъ трудомъ, во-первыхъ, дороже цѣнится приобретае-

*) Говорятъ, что въ послѣднее время онъ пересталъ испивать. Мнѣ не случалось съ нимъ ни выпивать, ни закусывать, из-отому я не знаю, когда онъ пилъ больше, когда меньше. Но если этотъ слухъ справедливъ—онъ только подтверждаетъ мою мысль. Всѣмъ видимо, что царь сталъ гораздо сердитѣе прежняго

лемь, во-вторыхъ, мы стали бы добывать себѣ то, что намъ нужно, а не принимать съ благодарностью пожалованное, утѣшая себя тѣмъ, что «даровому коню въ зубы не смотрять». Въ-третьихъ, такую конституцію и похерить труднѣе, чѣмъ пожалованную.

Намъ жалуетъ что-нибудь начальство, когда «признаетъ за благо» пожаловать, потому что на него добрый стихъ нашелъ. Найдеть сердитый стихъ—возьметъ да отниметъ.

Если мы желаемъ настоящей политической свободы—мы должны поставить начальство въ необходимость дать ее; оставить въ немъ твердое убѣжденіе, что намъ безъ нея жить нельзя.

Думаютъ многіе, однакоже, что только бы дали намъ конституцію—а политическая свобода явится сама собой,—что такъ бывало всегда и въ Западной Европѣ.

Не надобно забывать, однако, что въ Западной Европѣ не ждали пожалованія конституціи, тамъ ее добивались. Тамъ приходилось вышибать ее прикладомъ изъ челюстей абсолютизма.

Мы говоримъ: «Ваше Величество, дайте намъ конституцію—мы Ваши рабы по гробъ!»

На Западѣ говорили: «Ваше Величество, извольте дать конституцію, а то худо будетъ!»

И въ 1848 году, разныя Величества и Высочества, Свѣтлости и Сіятельства убѣдились, что такая угроза можетъ быть приведена въ исполненіе.

Не смотря даже на такіе прецеденты—чуть только гдѣ оплошаетъ партія правъ человѣка, правительство является съ большими ножницами и урѣзываетъ гдѣ параграфъ, гдѣ полпараграфа, а гдѣ и цѣлую половину конституціонной хартіи.

Охотниковъ урѣзывать свободу другихъ очень много. Они пользуются для этого всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ. Монархизмъ и въ Европѣ не забылъ еще традицій деспотизма. Посмотрите на современную Германію. За оба выстрѣла въ Императора, Бисмаркъ потребовалъ съ нѣмецкаго народа контрибуцію въ видѣ урѣзокъ конституціонной хартіи, въ видѣ «либеральныхъ жертвъ» для умиловленія правительства. Какъ древняго Молоха можно было, говорить, умиловать только человѣческими жертвами, такъ для современнаго монарха самая пріятная жертва—закланіе свободы подданныхъ.

Не только, значитъ, надобно много усилій для завоеванія себѣ свободы, надобно ихъ не мало и для того, чтобы сторожить и оберегать добытое сокровище.

И такъ, что же ждетъ насъ, російскихъ обывателей? Послѣ долгихъ ожиданій намъ, положимъ, дадутъ наконецъ конституцію. Но она будетъ несомнѣнно изъ плохенькихъ; еще несомнѣннѣе, что и попавшіе въ нее жалкіе намеки на политическую свободу будутъ урѣзаны, общипаны, оттерты разными послѣдующими дополненіями и изъясненіями, какъ это было со всѣми предъидущими реформами.

Что-же дѣлать намъ, чтобы получить не фиктивную, а дѣйствительную политическую свободу?

Объ этомъ мы поведемъ разговоръ въ слѣдующемъ письмѣ.

У ГРОБА.

(посвящается поразишему мезенцева)

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась.
То одна изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась.

Безсердечный палачъ упокоенъ на-вѣкъ,
Не откроются мертвыя очи...
И трепещетъ у пышнаго гроба его
Въ изумленіи деспотъ Полночи.

Мраченъ царь. Думу крѣпкую думаетъ онъ:
«Кто осмѣлился стать судіею
Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ,
Надъ любимцемъ, возвышеннымъ мною?»

«Не злодѣй ли безъ правды и бога въ душѣ?
Не завистникъ ли подлый, лукавый?
Или врагъ потайной, или недругъ лихой,
Преисполненный мстью кровавой?»

Все молчитъ. Нѣтъ отвѣта. Кругомъ тишина,
Лишь псаломщикъ кафизмы читаетъ,
Да свѣтильня дрожить... и вторично судьбу
Самодержецъ-монархъ вопрошаетъ.

Вотъ упала свѣча и потухла, дымясь,
Вслѣдъ за нею потухли другія;
Мракъ густой опустился на бархатный гробъ,
На покровы его дороге.

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ очамъ!..
Какъ на гласъ неземнаго вельнѣя,
Поднялись и проносятся мимо его
Рой за роемъ живыхъ видѣнѣя.

Изможены, избиты, въ тяжелыхъ цѣпахъ,
Кто съ прострѣленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зияющихъ ранахъ на вспухшей спишѣ,
Будто только что плетью наказанъ.

Тутъ и лапотъ крестьянскій, и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ,
И съ веревкой на шеѣ удушенный трупъ,
И поэтъ, заморенный въ Сибири.

Словно духи, на страшную тризну сошлись
Въ часъ условный ночнаго свиданья,
Подлетѣли и, ставши кругомъ мертвеца,
Затянули ему отпѣванье.

ОСТАВАНІЕ.

Жизнью распутною всхолонный,
Нашею кровію вспоенный,
Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
Мстѣ, палачей проповѣдавшій,

Шедшихъ дорогой тернистою
Мявшій стопою нечистою
Въ страшной, неравной борьбѣ!
Вѣчная память тебѣ!

Память позорная
Мысли гонителю!
Память укорная
Злому мучителю!

Непоправимая,
Неизгладимая,
Безчеловѣчная,
Вѣчная, вѣчная
Память тебѣ!

Застучали оковы на тощихъ ногахъ,
Въ разшивной катафалкѣ ударяясь.
И съ проклятіемъ громкимъ они понеслись,
Черной кровью изъ ранъ обливаясь.

Но видѣнье одно, долетѣвъ до царя,
Передъ нимъ неподвижное встало
И, взглянувъ на него, съ молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Блѣдный ликъ его гнѣвнымъ укоромъ сверкалъ,
Страстный вызовъ во взорѣ свѣтился:
«Царь, ты вѣдать хотѣлъ, кто любимца убилъ,
Кто на подвигъ кровавый рѣшился?»

«Не злодѣй, не завистникъ, не недругъ лихой;
Не свои вымещалъ онъ обиды.
То посланникъ смиренный, послушный боецъ
Всенародной святой Немезиды.

«Не опричника злого онъ жизни искалъ.
Что опричникъ? ихъ много найдется...
Царь, ты совѣсть спроси—и правдивый отвѣтъ,
Можетъ быть, въ ея нѣдрахъ проснется.

«За тебя изведенъ твой послушный холопъ,
Исполнитель кровавыхъ велѣній.
Ты убійца его! Погляди и казись—
Это жертва твоихъ преступлений!

«Царь, вспоенный коварною лестью рабовъ,
Богъ земной, лишь себя обожавшій!
Властелинъ, безопадной желѣзной рукой
Свой народъ неповинный сковавшій!

«Ненавистникъ свободы и правды святой!
Нарождавшейся мысли губитель!
Сладострастный, холодный, жестокий старикъ,
Нашихъ силъ молодыхъ развратитель!

«Окруженный плеядой дворцовыхъ свѣтилъ,
Въ облакахъ покупныхъ емиамовъ—
Не разслышалъ ты вопля родимой земли,
За напѣвомъ придворныхъ баяновъ.

«Ты не вѣдалъ, не зналъ за обильнымъ столомъ,
Какъ въ нуждѣ умираетъ голодный;
Двадцать лѣтъ, какъ блудница, съ друзьями моталъ
Ты послѣдній достатокъ народный.

«А повсюду-то голодъ, и холодъ, и морь!
Обездоленный грабить, воруетъ!
Свищутъ розги въ поганыхъ рукахъ становыхъ,
А избитый тѣ руки цѣлуешь!

«Тамъ, гдѣ Плевна дымится, огромный курганъ—
Въ немъ останки еще не догнили:
Чтобъ уважить царя, въ имянины его
Много тысячъ «своихъ» уложили.

«Имянинный пирогъ изъ начинки людской
Братъ подноситъ державному брату.
А на родинѣ вѣтеръ холодный шумитъ
И разноситъ солдатскую хату.

«Подойди и взгляни! Убивается мать...
Въ казематѣ сгноилъ ея сына
Ты за то, что въ пигмеѣ, въ тебѣ, онъ не могъ
Мірового признать исполина.

«Изъ родимаго дома его увезли
И въ гранитный мѣшокъ посадили,
И на годы, на долгіе годы въ тюрьмѣ,
Какъ ненужную вѣтошь, забыли.

«Вотъ рыдаютъ младенцы, рыдаетъ вдова,
Схоронивши колодника мужа;
Вторять имъ невпопадъ, забывая, мятель
И Сибири трескучая стужа.

«Да товарищъ унылый стоитъ въ кандалахъ,
Надъ могильнымъ холмомъ вспоминая,
Какъ завяла во цвѣтѣ загубленныхъ силъ
Безкорыстная жизнь молодая.

«Тамъ невѣста въ слезахъ! Разстрѣляли вчера
Жениха, объявившаго смѣло,
Что не сдастся злодѣямъ, пришедшимъ его
Оторвать отъ великаго дѣла.

«Стонутъ Польша, казаки, забитый еврей,
Стонетъ пахарь нашъ многострадальный,
Истомился въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной.

«Всюду ходитъ бѣда, по селамъ, городамъ,
Во дворы, въ конуры заползая,
Волкомъ бѣшенымъ по міру рыщетъ она,
Воронье на поминки сзывая.

«Стонъ и вопли страдальцевъ до самыхъ небесъ
Горемычной росой поднялся
И вселенскою тучей надъ трономъ твоимъ
Съ цѣлой русской земли собралися.

«И виситъ эта туча и будто бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ;
Но ударить твой часъ—грозовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ, засверкаетъ.

«Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая слеза
Въ огнедышащихъ змѣй обратится
И въ давно зачерствѣлое сердце твое
Милліонами зубьевъ вонзятся.»

.....Все исчезло во тьмѣ
И умолкли правдивыя рѣчи...
Встрепенулся псаломщикъ, опять зачиталъ,
Восковыя затеплились свѣчи.

Все как прежде—и гробъ, и покрытый налой,
Зеркала обвиты простынями,
И холодный, суровый въ мундирѣ мертвецъ,
И покровъ съ золотыми кистями.

ПО ПОВОДУ ПОДВИГОВЪ ПРЕССЫ.

Событіе 4-го августа вызвало на свѣтъ божій цѣлую литературу, очень обширную литературу, но мало интересную. Всякій знаетъ, конечно, что шефъ жандармовъ Мезенцевъ никому никакой пользы не приносилъ, никому не нуженъ. Всякій знаетъ, что, исчезни завтра съ лица земли все III Отдѣленіе, весь корпусъ жандармовъ, отъ этого, кромѣ удовольствія, никто ничего не испытаетъ. Неизбѣжно, стало быть, въ статьяхъ должно быть лицемѣріе и напускной пафосъ. Но все имѣетъ предѣлъ. Статьи же, которыми угощаютъ публику гг. Суворины, Полонскіе и Бильбасовы разятъ такимъ букетомъ, что отъ нихъ зажимаешь носъ даже привычный ко всякому смраду русскій читатель.

Вотъ Бисмаркъ, напримѣръ, тотъ тоже не прочь полицемѣрить. Но когда одинъ изъ социаль-демократовъ пригрозилъ, что, молъ, и у насъ найдутся Вѣры Засуличъ, — ловкій канцлеръ съумѣлъ найдтисъ приличнымъ отвѣтомъ. „Господа депутаты, сказали онъ, можетъ быть, намъ придется жертвовать собою. Но пусть каждый изъ васъ помнитъ, что это будутъ жертвы для спасенія отечества. Такія жертвы приносить не трудно“.

Мы не слышали что-то, чтобъ русскіе публицисты сказали что-нибудь подобное. Они очень щедро раздавали смертные приговоры, бѣсновались, что революціонеры не отдаются сами въ руки полиціи, а заставляютъ ее безплодно бѣгать за ними, высунувъ языкъ; они усердно объявляли о наградахъ въ 50 тыс. за голову исполнителя казни, спѣшили объявить о подпискѣ для увеличенія этого куша; они, какъ бы захлебываясь отъ удовольствія, смаковали картину, какъ социалисты будутъ испускать на веревкѣ свое послѣднее дыханіе.

Мы не считаемъ нашу публику образцомъ гражданскаго мужества и другихъ гражданскихъ доблестей,—это мы не разъ высказывали ей въ глаза. Но чтобы не отвернуться съ омерзениемъ отъ того, чѣмъ былъ наполненъ „Голосъ“ и другія газеты, нужна полная потеря всякаго нравственнаго чувства, нужно совершенное оскотиненіе.

Что всѣ завыванія нашей прессы вызвали въ публикѣ одно негодованіе—это доказывается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что самые ярые изъ борзописцевъ увидѣли даже себя въ необходимости отречься отъ вполнствія отъ собственныхъ дѣтлицъ. Редакторы говорили: „статья была мнѣ прислана“; сотрудники — „это мнѣ редакторъ вставилъ“. Факты, на которые мы намекаемъ, извѣстны всѣмъ. Они получили даже отголосокъ въ литературѣ. Мы не станемъ разбирать законность подобныхъ оправданій ни съ фактической, ни съ нравственной точки зрѣ-

нія. Для насъ важно, что эти господа должны были оправдываться.

Очевидно, статьи писались не для публики, такъ какъ, что другое, а вкусъ своихъ читателей газеты наши знаютъ очень тонко.

Для кого же писались онѣ?

Отвѣтъ найти очень легко.

Зачѣмъ пишутся „Голосъ“, „Новое Время“ и tutti quanti?

Чтобы загрести елико возможно больше пятакочвъ.

Кто даетъ эти пятачки?

Публика. Поэтому эти газеты либеральны: теперь на этотъ товаръ запросъ.

Кто можетъ прекратить потокъ вождельныхъ пятачковъ?

Правительство. Поэтому газеты эти полны науськиванья и самой грубой, циничной лести передъ правительствомъ.

Царю Александру, когда онъ узналъ о казусѣ съ Мезенцевымъ, пришла мысль, нелѣпая до геніальности: запретить всѣ газеты, кромѣ правительственныхъ.

И вотъ „Голосъ“, а за нимъ и другія газеты принимаются строчить свои мерзости, чтобы спасти... что? Литературу? О, если бы они хотѣли спасти литературу! Нѣтъ, чтобы погубить литературу и спасти свои пятачки.

Допустимъ на минуту, что дикая мысль царя приведена въ исполненіе. Очевидно, и въ Россіи и за границей такая неслыханная мѣра произвела бы страшный переполохъ. Извѣстно, что на другой день послѣ казуса съ Мезенцевымъ, русскій рубль упалъ на иностранныхъ биржахъ на 25 сантимовъ, потому что фактъ этотъ былъ принятъ всѣми, и совершенно основательно, какъ признакъ вовсе не устойчиваго равновѣсія побѣдоносной Россійской имперіи. Спрашивается, какъ отнеслись бы къ государству, которое увидѣло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ такой небывалой мѣрѣ, какъ упраздненіе литературы? Вѣдь эта мѣра, да еще въ совокупности со всѣми прочими, создала бы для Россіи такое же положеніе, какъ вѣдшая война en regimense. Такого положенія не можетъ выдержать ни одно государство, а тѣмъ менѣе Россія.

Очевидно, что русское правительство, послѣ какого нибудь мѣсяца гоненій, принуждено было бы искупить свой грѣхъ крупной подачкой литераторамъ. Все это вещи, ясные до очевидности. И ужъ конечно наши литераторы меньше, чѣмъ кто бы то ни было, нуждаются въ нашихъ толкованіяхъ, такъ какъ, въ чемъ другомъ, а въ практической смекалкѣ имъ отказать нельзя.

Но трепеть за пятачки такъ обуялъ нашихъ литераторовъ, и главнымъ образомъ оберъ-откупщика нашей литературы и всѣхъ направлений кавалера, молчальника Краевскаго, что онъ предпочелъ лучше сдѣлаться палачемъ, чѣмъ рискнуть подвергнуться монаршему гнѣву.

При такомъ характерѣ побужденій литературы въ травлѣ революціонеровъ, мы имѣли бы полное право пройти молчаливымъ презрѣніемъ ихъ задорную болтовню. Но на этотъ разъ мы намѣрены нарушить эту

тактику. Дѣлаемъ это главнымъ образомъ потому, что журналисты наши не ограничиваются одной руганью, понимая, что для такого крупнаго казуса одной ругани недостаточно. Не ограничиваются они и столь привычнымъ имъ шулерскимъ передергиваніемъ фактовъ,—нѣтъ, они съ поистинѣ забавнымъ апломбомъ пускаются оспаривать нашу программу на чисто-теоретической почвѣ,—дѣло, увы, слишкомъ не по силамъ всѣмъ молодцамъ, которыхъ выпустили на насъ Краевскій съ Бильбасовымъ.

Нужно разъ навсегда отбить у нихъ охоту отъ подобныхъ умствованій. Они могутъ клеветать, строчить доносы, науськивать. Это дѣло имъ вполне по способностямъ и этого слишкомъ достаточно для наполненія столбцевъ „Голоса“. Наконецъ, не вредно также и показать публикѣ, каковы ея просвѣтителі.

Прежде всего, пусть читатель сравнитъ тонъ брошюры „Смерть за смерть!“ съ передовицами нѣкоторыхъ газетъ, въ особенности „Голоса“.

Брошюра, очевидно, написана людьми, которые не остановятся ни передъ какими страшными вещами. Но найдите тамъ хоть одно слово, обращенное къ звѣрскимъ инстинктамъ, къ кровожадности. Найдите хоть одно слово науськиванья. Напротивъ: вся она проникнута настолько же глубокой скорбью, насколько и рѣшимостью.

Эти „изверги“, эти „злодѣи“ на другой день послѣ своей кровавой побѣды, какъ громомъ поразившей ихъ враговъ, съ чувствомъ ягучей боли восклицаютъ:

«Убийство—гѣщъ ужасная! Только въ минуту сильнѣйшаго возбужденія, доходящаго до потери самосознанія, человекъ, не будучи извергомъ, можетъ лишиться жизни себя подобнаго. Намъ же, социалистовъ, намъ, посвятившихъ себя дѣлу освобожденія страждущихъ, намъ, обречшихъ себя на всякія страданія, чтобы только избавить отъ нихъ другихъ,—русское правительство довело до того, что мы рѣшаемся на цѣлый рядъ убійствъ, возводимъ ихъ въ систему!»

И въ этомъ наболѣвшемъ признаніи, за которымъ скрывается вся та страшная трагедія, которую долженъ пережить человекъ, чтобы рѣшиться на такое ужасное дѣло, газетный строчила видитъ только поводъ для пошлаго зубоскальства!

Потерявшій самосознаніе исполнитель приговора! Это, по его мнѣнію, должно выдти очень эффектно. Потерялъ сознаніе, значитъ—дѣйствуетъ безсознательно, значитъ—безъ толку. И такъ, безтолковые, полоумные, одурѣвшіе люди судятъ верховныхъ представителей власти. Вотъ вамъ и каламбуръ публициста!

Но этотъ каламбуръ — только цвѣтокъ невиннаго остроумія среди свирѣпыхъ, дышащихъ кровью передовыхъ статей „Голоса“. Вспомните эти хищные восторги публициста по поводу того, какъ социалисты будутъ издыхать на веревкѣ, вспомните эти совѣты правительству истреблять социалистовъ, не щадя и сотенъ невинныхъ, и рядомъ съ этимъ плоскія шуточки во вкусъ заплечныхъ мастеровъ, насчетъ предполагаемыхъ жертвъ гоненія, эти объявленія о 50,000,—

возванія не къ долгу, а къ аачности, корыстолюбію,—вспомните все это и рѣшите, кто извергъ: тотъ ли кто создается, что, въ случаѣ крайности, не пощадитъ и жизни врага, кто, наконецъ, смѣло выходитъ на него, чтобы поразить его или погнубить самому, или же тотъ, кто изъ своего покойнаго кабинета, прятаясь подъ своимъ инкогнито, «изъ за угла», науськиваетъ все общество на травлю и безъ того уже травимыхъ людей и соблазняетъ его на это, то купшемъ въ 50,000, то занимательнымъ зрѣлищемъ удавленныхъ нигилистовъ?

И все это ради чего? Ради спасенія отечества? Нѣтъ,—ради разрѣшенія розничной продажи газеты.

Вотъ тебѣ, публика, твои руководители съ ихъ нравственной стороны,—руководители признанные, извѣстные всей читающей Россіи. Вотъ — борцы за свободу, издѣвающіеся надъ тѣмъ, что вольное слово раздается изъ «подземелій». Радуйтесь, господа, если вамъ отъ этого весело, но слушайте и помните:

До тѣхъ поръ, пока наше слово будетъ исходить изъ подземелій, до тѣхъ поръ не будете знать и вы свободаго слова! До тѣхъ поръ, пока не будетъ дана воля высказываться всякому, и прежде всего социалисту, до тѣхъ поръ и вы будете вѣчно оглядываться на Главное Управленіе, холопски заглядывать въ подворотни и дрожать, какъ бы васъ не высѣкли!

Теперь—по части передергиванія въ сферѣ фактовъ. Мы только — что употребили выраженіе «изъ-за угла». Это прямо переноситъ насъ къ одной изъ неудачнѣйшихъ гнусностей того же «Голоса».

«Голосу» нужно было отличиться во что бы то ни стало. Шуточное ли дѣло: газеты раскупаются на расхватъ, а онъ заперченъ. И вотъ, г. Бильбасовъ вмѣстѣ съ ген. Маковымъ выдумываютъ свое знаменитое «изъ-за угла». *)

Изъ-за угла! Въ какомъ это смыслѣ, позвольте спросить? Въ буквальномъ—такъ это ложь, въ переносномъ—тоже.

Мы нисколько не намѣрены слѣдовать принципамъ рыцарства въ борьбѣ съ нашими врагами. Война объявлена—и притомъ не нами. Враги сами вторглись въ наши мирныя обители, сами начали травить насъ за дѣла, никакой травлѣ не подлежащія. Мы находимся въ такомъ же положеніи, какъ народъ, въ землю котораго вторгнулся иноземецъ, обладающій громаднымъ численнымъ превосходствомъ. Кто упрекаетъ французскихъ франъ-тиреровъ, испанскихъ гверильясовъ, русскихъ партизановъ 12-го года, наконецъ, инсургентовъ послѣдняго славянскаго возстанія за то, что они нападали на враговъ печаяно, врасплохъ, изъ-за засадъ, «изъ-за угла», лоя малѣйшую ихъ оплошность? Кто называетъ ихъ поступки предательскими? А между тѣмъ, мы защищаемъ права еще болѣе священныя, еще болѣе неприкосновенныя, чѣмъ политическая независимость націй. Завоеваніе, если оно идетъ отъ болѣе

*) Въ брошюрѣ „Правительственная Комедія“ совершенно ошибочно названъ авторомъ этой статьи профессоръ военной академіи Богдановичъ. Намъ достоверно извѣстно, что въ трудахъ гг. Бильбасова и Макова (будущаго министра юстиціи) онъ никакого участія не принималъ. Ред.

просвѣщенной, болѣе свободной націи—можетъ быть великимъ благомъ для завоеванной страны, какъ было французское завоеваніе для Испаніи, какъ было бы оно несомнѣнно и для Россіи въ 12-мъ году.

Попраніе же личной свободы и достоинства чело-вѣка—всегда вѣдчайшее изъ золь и тягчайшее изъ преступленій.

Значить, мы еще болѣе имѣемъ право поднять оружіе на нашихъ враговъ. Численное же превосходство его надъ нами такое, какого не было ни въ одной изъ когда-либо бывшихъ войнъ за независимость. Значить, мы еще болѣе имѣемъ право прибѣгать ко всѣмъ тѣмъ хитростямъ и уловкамъ, которыя могутъ сколько-нибудь уравновѣсить наши силы въ борьбѣ, и мы объявляемъ открыто, что всегда будемъ прибѣгать къ нимъ безъ малѣйшаго колебанія. Мы будемъ поражать нашихъ враговъ и днемъ и ночью, и спереди и съ тылу, и въ открытомъ полѣ и изъ засады, и бодрствующихъ и сонныхъ.

Мы даже предлагаемъ „Голосу“ заранѣе заготовить на эти случаи по передовицѣ, дышащей самымъ благороднымъ негодованіемъ противъ нашей гнусности. Въсплѣтствіи онъ напечатаетъ ихъ раньше всѣхъ другихъ газетъ и получить не одну лишнюю сотню пятачковъ.

Но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, „Голосъ“ потропился и, какъ дуракъ въ одной народной сказкѣ, крикнулъ „вѣчная память!“ когда нужно было крикнуть: „желаю здравствовать!“

Дѣло именно въ томъ, что поступокъ на Михайловской площади, по соображеніямъ и причинамъ о которыхъ распространяться нечего, былъ совершенъ именно съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ даже не правильной войны, при которой допускается какое угодно численное превосходство, а правильного поединка.

Когда противники принадлежатъ къ одной національности и классу, поединокъ производится одинаковымъ оружіемъ. Когда же они принадлежатъ къ разнымъ, то каждый выходитъ въ своихъ національныхъ доспѣхахъ и вооруженіи.

Дѣло 4 авг. было именно поединкомъ послѣдняго рода, въ которомъ, если были на чьей-нибудь сторонѣ преимущества, то ужъ конечно на сторонѣ шефа жандармовъ.

Развѣ исполнитель подвергался меньшей опасности? На сторонѣ Мезенцева стояла вся улица, вся полудикая «тодпа», куца городскихъ и, наконецъ, доблестный камергеръ Бодиско, искавшій пистолета, чтобы храбро выстрѣлить изъ окна по уѣзжавшимъ.

Развѣ Мезенцевъ не зналъ, что ждетъ его? Развѣ не имѣлъ онъ времени принять всѣ предосторожности?

Вотъ противники на площади. Сколько случайностей—и всѣ гибельныя для исполнителя! Дѣло происходитъ среди бѣла дня, въ центрѣ города. Никакой возможности остановить проезжихъ, прохожихъ, всадниковъ, солдатъ, городскихъ, которые по столицѣ двигаются ежеминутно.

Вотъ противники медленно идутъ другъ на друга,—ближе, ближе... Вотъ они уже ясно видятъ въ лицо другъ друга. Развѣ не могъ Мезенцевъ замѣтить

какое нибудь волненіе на лицѣ врага? Развѣ не могъ онъ, наконецъ, когда сверкнулъ передъ его глазами кинжалъ, схватить, толкнуть, остановить на секунду поднятую на него руку? Мезенцевъ былъ чело-вѣкъ сильный и, несомнѣнно, нетрусливый. Онъ могъ не потеряться. Съ нимъ рядомъ шелъ его спутникъ Макаровъ, который тоже могъ не растеряться, при видѣ опасности. Противъ нихъ же стоялъ исполнитель одинъ, потому что товарищъ его былъ въ сторонѣ, имѣя цѣлью лишь наблюденіе за Макаровымъ.

Итакъ, опасности и шансы были болѣе чѣмъ одинаковы для обѣихъ сторонъ. Это была борьба мужества, хладнокровія и рѣшимости. У социалиста оказалось ихъ больше—и онъ побѣдилъ!

Не можемъ пройти молчаніемъ еще одного курьеза. Послѣ того, какъ исполнители, почти чудомъ, спаслись отъ погони враговъ, „Голосъ“ дѣлаетъ имъ милое приглашеніе: предать себя въ руки, такъ называемого, правосудія.

Господа, вы просто смѣшны! Съ какого это времени побѣдитель обязывается предавать себя въ руки враговъ? Отчего вы не потребовали, чтобы русская армія сдалась туркамъ, послѣ побѣды надъ ними?

Но это предложеніе, смѣшное само по себѣ, въ вашихъ устахъ становится гнуснымъ.

Знаете ли вы, господа, что самый почтенный чело-вѣкъ изъ васъ все таки выходитъ г-нъ Думашевскій? Его только угрозой ссылки въ Сибирь могли заставить отпереться отъ своихъ словъ*); вы же назовете черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, ради одной розничной продажи.

Вы отлично знаете, какому страшному риску подвергались совершавшіе дѣло 4 августа. Вы сами декламировали, и очень пространно, о «неслыханной дерзости», о «безпримѣрной наглости» этого поступка. Иные изъ васъ (Петерб. Вѣд.) даже послѣ того, какъ фактъ совершился, отказывались вѣрить въ возможность спасенія тѣмъ способомъ, какимъ оно произошло, и объясняли его какимъ то «отводомъ глазъ».

Да, господа, изъ тысячи подобныхъ покушеній, которыми полна исторія, много если десять имѣютъ такой исходъ, какъ дѣло на Михайловской площади.

И что же? Вы, вы жалкіе строчилы, трепещущіе косога взгляда своего барина, вы не осмѣливающіеся даже заикнуться о томъ, о чемъ вамъ вѣдно молчать, вы, поджавшіе хвосты, какъ собаченки, когда послѣ дѣла Засуличъ на васъ прикрикнуло правительство,—вы обвиняете этихъ людей въ недостаткѣ мужества!

Мужественные люди! На низости у васъ дѣйствительно много мужества, но ни въ чемъ другомъ вы его не обнаружили.

Оставьте же ваши благородные порывы и закажите и другу и недругу заговаривать когда-нибудь о мужествѣ. Тема эта слишкомъ убійственна для васъ.

Но и умствованіямъ по части социализма мы вамъ предаваться не совѣтуемъ, потому что, не ровень часть, обнаружатся при этомъ, какъ вы это сейчасъ увидите, такія „качества ума“, которыя идутъ совершенно въ параллель съ вашими „качествами сердца“.

*) Объ этомъ смотри ниже, въ отдѣлѣ „Разныхъ извѣстій“.

Мы нарочно отодвинули къ концу статьи разборъ теоретическихъ, научныхъ возраженій „Гол.“ Нужно же дать отдохнуть нашему читателю и закончить комическимъ эпизодомъ мрачную картину нравственнаго паденія нашихъ „руководителей“.

Цвѣты краснорѣчія „Гол.“ мы оставляемъ въ сторонѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ очень милы. Какъ вамъ нравится, напр., претензія „Гол.“ говорить отъ имени „всѣхъ честныхъ людей“ и отъ ихъ лица объявлять заочное презрѣніе къ русскимъ революціонерамъ?

Хороши бы были русскіе честные люди, еслибъ они походили на „Гол.“; еслибъ нравственный обликъ ихъ могъ резюмироваться, какъ для названной газеты словами «чего изволите!»; еслибъ они въ одно и то же время первыи могли быть за какую-нибудь мѣру и первыи же противъ нея, въ чемъ уличили „Гол.“ его же собратья.

Скоро, кажется, Горвицъ и Коганъ начнутъ проповѣдывать безкорыстіе, а Треповъ съ Куріевымъ выступать противниками самоуправства!

Сущность возраженій „Голоса“ противъ брошюры «Смерть за смерть!» сводится къ тому, что авторъ брошюры не умѣетъ отличать общественныхъ вопросовъ отъ государственныхъ, потому—что онъ хочетъ вести борьбу съ буржуазіей, которой въ Россіи не существуетъ. А такъ какъ не существуетъ буржуазія, то, по мнѣнію „Голоса“, не можетъ быть и почвы для социализма. Стало быть, социализмъ въ Россіи—явленіе чисто-подражательное, навѣянное извнѣ. Русскіе социалисты—это шайка невѣжественныхъ и злонамѣренныхъ людей, опасныхъ только своею дерзостью. Кромѣ того, этой шайкѣ приписывается „Голосомъ“ цѣлѣное намѣреніе извести всю буржуазію, то есть, по мнѣнію „Голоса“, немногочисленный и европейски-образованный классъ русскаго общества, къ которому сотрудники органа Краевского, безъ сомнѣнія, причисляютъ и себя.

Мы начнемъ наши возраженія съ конца. Проектъ вырвать поголовно русскую «буржуазію» навязанъ русскимъ социалистамъ благодаря фигуральности выраженія автора брошюры, гдѣ онъ говоритъ, что цѣль социалистовъ—вырвать ея привилегіи вмѣстѣ съ жизнью. Разумѣется, подобное толкованіе этого мѣста могло придти только въ голову газетѣ, проповѣдующей поголовное истребленіе социалистовъ для спасенія отечества. Бѣдный публицистъ, очевидно, не доросъ до пониманія той простой истины, что, пока имѣются въ наличности условія для существованія извѣстной категоріи лицъ, до тѣхъ поръ бесполезны всякія репрессивныя мѣры и преслѣдованія протіву этихъ лицъ; очевидно, онъ не хотѣлъ или не могъ понять разъясненія событія 4-го августа. По недомыслию или по недобросовѣстности, онъ ставитъ послѣднее на одну доску съ «хожденіями въ народъ»—смѣшиваетъ пропаганду идей съ мѣрами самозащиты, къ которымъ прибѣгаютъ всѣ партіи, когда гоненія и преслѣдованія противъ нихъ не оставляютъ имъ другого исхода.

Социалисты очень хорошо знаютъ всю нецѣлѣбность

подобныхъ проектовъ истребленія. Это основное вѣрованіе каждаго изъ нихъ. Благодаря ему, они не боятся ни гоненій, ни самой смерти и, разумѣется, они не станутъ проповѣдывать той идеи, которая прежде всего опровергается ихъ собственной неистребимостью, на зло всевозможнымъ гоненіямъ. Смерть буржуазіи—не смерть Мезенцева: это уничтоженіе ея существованія, какъ класса,—уничтоженіе, или, лучше сказать, измѣненіе экономического строя, благодаря которому она и существуетъ.

Разумѣется, только вы можете называть идиліей борьбу за измѣненіе экономическихъ условій. Всѣ знаютъ уже по опыту, что это самая страшная борьба, которая когда-либо только велась. Отъ такихъ идилій стынеть кровь въ жилахъ. Никто не рисуетъ себѣ картины миролюбиваго рѣшенія социальнаго вопроса, кромѣ людей, сознательно или безсознательно морочащихъ публику. Но кровопролитіе вовсе не цѣль и не средство борьбы за социализмъ; оно—неизбѣжное зло—не больше. Его предвидятъ, къ нему готовятся, все-равно, какъ государство готовится къ войнѣ, когда не надѣется порѣшить даннаго международнаго вопроса мирнымъ путемъ.

Но, скажите, кто-же, кромѣ Чингисхана, ставилъ задачею войны—истребить извѣстную національность? Русское правительство—и то не задается подобною задачею. Въ Польшѣ оно, кромѣ истребленія, ввело «обрусеніе», т. е. измѣненіе условій жизни польскаго народа на русскій ладъ. Кому же въ голову можетъ придти—уничтожить цѣлый рядъ международныхъ экономическихъ отношеній, истребляя простыхъ носителей этихъ отношеній. И вы совершенно не кстаети острите насчетъ того, какъ каждый гражданинъ, въ ожиданіи смерти, будетъ разсуждать: буржуа онъ или нѣтъ? Особенно не кстаети вамъ острить такъ отъ своего лица. Какія бы каннибальскія воззрѣнія вы ни приписывали социалистамъ, вы должны въ то же время знать, г. издатель „Голоса“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ „Отеч. Зап.“, г. издатели „Рус. Об.“ и сотрудники „Голоса“, что съ вами всякой партіи безъ исключенія можно покончить свои счеты гораздо болѣе дешевымъ способомъ, если только, паче чаянія, вы кому-нибудь понадобитесь.

Однакоже мы, несмотря на громкія и высокомерныя опроверженія „Голоса“, повсюду употребляемъ слово буржуазія, не опровергнувъ умозаключеній этой газеты. Приходится сдѣлать это, хотя, сознаемся, дѣлаемъ мы это очень неохотно. Совѣстно просто становится—развивать передъ читателемъ мысли, извѣстныя ему чуть не изъ букварей. И новаго въ этихъ мысляхъ рѣшительно нѣтъ ничего. Одинъ русскій публицистъ, расчитывая на поголовное невѣжество иностранцевъ относительно Россіи, вздумалъ какъ-то, года три тому назадъ, разсказывать имъ сказки насчетъ всеословности русской земли, отсутствія буржуазіи въ Россіи и сословныхъ тенденцій въ русско-внутренней экономической политикѣ, но и тамъ онъ былъ обозванъ Энгельсомъ и Марксомъ «зеленымъ гимназистомъ» и принужденъ былъ замолчать передъ своими оппонентами.

Кто же не знает у насъ, въ самомъ дѣлѣ, избитой мысли, что анти-буржуазная, по мнѣнію „Голоса“, крестьянская реформа была рѣшительнымъ шагомъ въ дѣлѣ установленія буржуазныхъ отношеній между работниками и работодателями на Руси?

Не будемъ спорить,—можетъ быть, въ головахъ составителей положенія 19 февраля идея освобожденія мужиковъ съ надѣломъ не имѣла ничего буржуазнаго, но на практикѣ, въ приложеніи къ жизни, она послужила главнымъ образомъ развитію буржуазнаго порядка вещей. Разсужденій на тему объ обезземеленіи крестьянства послѣ реформы, о кулачествѣ, о спекуляціяхъ на счетъ крестьянскаго имущества и труда можно найти сколько угодно даже въ передовыхъ статьяхъ того же „Голоса“.

Кромѣ крестьянской реформы, „Голосъ“, въ доказательство безсловныхъ, или, лучше сказать, анти-буржуазныхъ тенденцій русскаго общества, ссылается на заявленія земствъ въ пользу подоходнаго налога.

Но подоходнаго налога у насъ нѣтъ, и ничто намъ не ручается, что эту идею не постигнетъ на практикѣ судьба крестьянской реформы.

Наконецъ, изъ примѣра Запада мы видимъ, что подоходный налогъ нисколько не мѣшаетъ развитію буржуазіи. Въ Англии онъ существуетъ около сотни лѣтъ и во время-то его существованія англійская буржуазія и достигла своего мірового господства.

Въ отвѣтъ на заявленіе „Голоса“ объ анти-буржуазныхъ тенденціяхъ нашего общества, можно было бы спросить: съ какою же цѣлью и съ какими намѣреніями у насъ производится постоянныя подкапыванья крестьянской общины? Куда это исчезаетъ наша домашняя мелкая промышленность? — можетъ быть, это тоже указываетъ на отсутствіе буржуазныхъ элементовъ въ обществѣ?

Но намъ даже нѣтъ надобности въ ссылкахъ на такіа отдѣльныя явленія. Вопросъ о существованіи или несуществованіи русской буржуазіи рѣшается гораздо общѣ и проще.

До сихъ поръ въ экономическомъ мірѣ извѣстны три главныхъ категоріи отношеній между имущими и неимущими классами: 1) отношенія рабовладѣльца къ рабу, преобладавшія въ античномъ мірѣ надъ всѣми другими; 2) отношенія землевладѣльца къ крѣпостному крестьянину, господствовавшія на Западѣ въ средніе вѣка, и у насъ установившіяся во второй половинѣ XVII столѣтія и развивавшіяся въ XVIII и началѣ XIX столѣтія; 3) отношенія капиталовладѣльца къ вольнонаемному работнику, установившіяся теперь въ Европѣ и называемыя буржуазнымъ порядкомъ вещей.

Подъ какую изъ перечисленныхъ категорій подведете вы, господа публицисты, существующій нынѣ распорядокъ на Руси?

Впрочемъ „Голосъ“, съ Лассалемъ въ рукахъ—котораго, по его словамъ, социалисты учатъ наизусть, какъ православные катехизисъ, и считаютъ непогрѣшимымъ папою*)—доказываетъ намъ, что обладатель

*) Забѣгаю, что такихъ почитателей Лассалья нынѣ нѣтъ даже на родинѣ знаменитаго агитатора. Лассаль былъ и остается, без-

обширной фабрики, эксплуатирующей тысячи рабочихъ, владѣлецъ тысячъ десятинъ земли, обрабатывающей ихъ наемными рабочими, вовсе не буржуа; буржуа онъ дѣлается только тогда, когда владѣние капиталомъ даетъ ему особыя политическія права и привилегіи, однимъ словомъ, что буржуазія—терминъ чисто-политическій.

Изъ этого опредѣленія выходятъ очень курьезные выводы.

Какъ извѣстно, на Западѣ существуютъ государства: Франція, Германская имперія, Швейцарія, гдѣ каждый взрослый гражданинъ, будь онъ милліонеръ или поденщикъ, пользуются одинаковыми политическими правами. Всеобщая подача голосовъ даетъ одинаковое право опускать свой избирательный бюллетень въ урну, принимать и отвергать извѣстный законопроектъ, какъ Ротшильду, такъ и послѣднему сапожнику. Во французскомъ сенатѣ рядомъ съ герцогомъ Одиффре Пакеъ засѣдаетъ столаръ Толэнъ.

Въ этихъ странахъ, гдѣ социализмъ пустилъ самыя глубокіе корни, гдѣ происходили не разъ сцены кровавой борьбы пролетаріевъ съ буржуазіей,—слѣдующаго опредѣленія „Голоса“, нѣтъ буржуазіи.

Нѣтъ, господа, нахальство, передергиваніе и наѣзничество тоже заводятъ иногда въ неисходныя дебри.

Вы совершенно напрасно навязали намъ Лассалья въ папы и совершенно неудачно спрятались за его спиной.

Какъ извѣстно, Лассаль произносилъ передъ рабочими свою знаменитую рѣчь объ идеѣ рабочаго соловія, когда въ Пруссіи господствовали порядки, налагавшіе узду на свободное слово. Не вставъ Лассаль нѣсколькихъ замѣчаній насчетъ святости собственности въ свою статью—ему бы пришлось очень плохо. Какъ извѣстно, и за эту рѣчь онъ высидѣлъ 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Лассаль былъ однимъ изъ первыхъ борцовъ за прямое и всеобщее избирательное право въ Германіи. Это былъ краеугольный камень его агитаціи. Онъ говорилъ передъ прусскими рабочими, когда тамъ господствовала классная избирательная система, соответственно классной подати. Поэтому онъ и выставилъ рабочимъ конкретный, мѣстный, чисто-прусскій признакъ буржуазіи—ея политическія прерогативы. Хотя въ то же время цѣлью его агитаціи, средствомъ для рѣшенія рабочаго вопроса была замѣна капиталистическаго производства ассоціационнымъ. Стало быть, онъ вовсе не думалъ успокоиться на лаврахъ, отнявши у буржуазіи ея политическія привилегіи.

Наконецъ, во время Лассалья было еще простительно возлагать разныя утопическія надежды на чудодѣйственную силу suffrage universelle.

Послѣ же опытовъ послѣднихъ лѣтъ, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій въ области экономическихъ отно-

спорно, самымъ яркимъ и самымъ талантливымъ практическимъ дѣятелемъ нѣмецкаго социализма, по далеко не самымъ полнымъ и послѣдовательнымъ мыслителемъ его. Главой этой школы считается, какъ извѣстно, Марксъ, который отрещивается отъ многихъ выводовъ и положеній своего послѣдователя. Даже въ русско-дегальской литературѣ „Голосъ“ могъ бы найти обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ.

шений—искать спасения отъ золь капитализма во всеобщей подачѣ голосовъ, говорить о буржуазии, какъ о терминѣ чисто политическомъ—по меньшей мѣрѣ странно.

Не менѣе нелѣпо и утверждение, будто социализмъ возможенъ только при развитомъ буржуазномъ строѣ.

Любой учебникъ по исторіи социальныхъ учений скажетъ вамъ, г. публицистъ, что социализмъ являлся повсюду, гдѣ только было неравенство въ обществѣ, гдѣ существовала экономическая зависимость одной части населенія отъ другой.

Это такая избитая истина, что на ней и останавливаться излишне.

Объясняя событіе 4-го Августа, брошюра «Смерть за смерть!» заявила, что программа социалистовъ—борьба на экономической почвѣ. Она старалась показать читателю, что политическія убійства вовсе не методъ ихъ борьбы, что это отдѣльный эпизодъ, вызванный гоненіями правительства. Она выставила рядъ совершенно умѣренныхъ и законныхъ требованій, при исполненіи которыхъ повтореніе событія 4-го Августа дѣлалось бы невозможнымъ.

Она поясняла, что мы никогда не выйдемъ изъ предѣловъ самозащиты; говорила, что своихъ завѣтныхъ цѣлей мы добиваемся инымъ путемъ.

Что же дѣлаетъ «Голосъ»?

Нахальнѣйшимъ образомъ увѣряетъ, что социалисты объявившіе себя борцами на почвѣ экономическихъ и общественныхъ отношений, не понимая сами чего хотятъ, требуютъ политическихъ и государственныхъ реформъ!

Объясняться по этому поводу съ «Голосомъ» мы не намѣрены: пусть онъ сначала поучится добросовѣстности и отвыкнетъ отъ передергиваній; но для публики вообще мы считаемъ нелѣпнымъ сдѣлать нѣкоторое поясненіе, такъ какъ недоразумѣній по этому поводу намъ допускать не хотѣлось бы.

Всѣмъ извѣстно, что-такое война. Это борьба двухъ противниковъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ настоящее время война—явленіе неизбежное, зло необходимое. Но умные и честные люди всѣми силами стараются ограничить дѣйствіе этого зла предѣлами его необходимости.

Для этого и собираются разные международные конгрессы и комитеты, гдѣ стараются установить такія правила для войны, которыя, не ослабляя силъ противниковъ, устранили бы изъ этой борьбы звѣрское, бесполезное кровопролитіе, лишнюю, бесполезную трату силъ.

Никто, конечно, не думаетъ, что послѣ принятія европейскими государствами жеңевской конвенціи Краснаго Креста прекратятся войны. Цѣль подобныхъ учреждений—пизвести размѣры военныхъ потерь и жертвъ войны до предѣловъ необходимости.

Мы—тоже воюющая сторона. Противникъ нашъ поступаетъ съ нами недостойнымъ, звѣрскимъ образомъ. Онъ ведетъ борьбу не съ цѣлью выиграть позицію, а—истребить, перекалѣчить и сдѣлать несчастными какъ можно больше народу. Дикая жестокость съ его стороны, нарушеніе правилъ и условій вой-

ны, имъ самимъ же признанныхъ, заставляетъ насъ казнить смертью наиболее нахальныхъ его баши-бузукъ и мародеровъ.

Желая избавить себя отъ этой тяжелой необходимости, мы и предлагаемъ ему условія борьбы, которыя, по нашему мнѣнію, долженъ принять всякій честный и вѣрщій въ свою правоту противникъ.

На этихъ условіяхъ мы настаиваемъ, не только въ своихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ мирнаго населенія страны, которое остается зрителемъ борьбы.

Разумѣется, со свободой печати, сходакъ, гласнымъ судомъ надъ политическими преступниками не прекратится наша борьба; но она приметъ болѣе человѣчный характеръ.

Принять ихъ или не принять—дѣло противника, но борьбы прекратить мы не можемъ. Если съ нами станутъ поступать по прежнему—и мы должны будемъ прибѣгать къ такимъ средствамъ отъ которыхъ противнику тоже не поздоровится.

Вотъ весь смыслъ деклараціи, сдѣланной въ брошюрѣ «Смерть за смерть!».

«Голосу» однако показалось недостаточно его регулярной арміи для борьбы «изъ за угла»; онъ вызвалъ изъ какихъ то пещеръ мудреца Керима, заставивъ его ломаться передъ публикой и писать какое-то бормотаніе о материализмѣ и социализмѣ. Возражать этому дервишу невозможно, потому что обыкновенному смертному и понять его нѣтъ возможности. Да и надобности нѣтъ: неужели возражать человѣку, утверждающему, что материалисты отрицаютъ идеи,—материалисты, послѣдователи извѣстной философской школы; которая сама представляетъ собою систему идей. Неужели-же всѣ материалисты настолько тупы, что отрицаютъ то, чего сами придерживаются? Неужели, если не мудрецу Кериму, то другимъ сотрудникамъ и редакторамъ «Голоса» неизвѣстно, что идеи материалисты никогда не отрицали, а только объясняли особеннымъ образомъ происхождение ихъ?

О материализмѣ и материн мудрецъ Керимъ разсуждаетъ, ни дать ни взять, какъ прикащикъ изъ магазина Крундышева или портной, который знаетъ только ту матерію, которая отафривается аршиномъ отъ куска.

И что за идея смѣшивать социализмъ съ материализмомъ?

Развѣ Бабофъ, Луи-Бланъ, Фурье и Пьеръ Леру не были чистѣйшими идеалистами, а послѣдній даже мистикомъ? Или «Гол.» ничего не слышалъ о затѣяхъ религиозныхъ социалистовъ, такъ называемыхъ Staats-socialist'овъ, въ нынѣшнемъ году въ Германіи?

Возраженіе наше «Голосу» вышло длиннѣе самихъ статей его; просимъ за это извиненія у читателя, но просимъ также принять во вниманіе, что наговорить голословнаго вздору гораздо легче, нежели опровергать его по пунктамъ.

Впрочемъ не одинъ «Гол.» началъ заговариваться и бредить по поводу событія 4-го августа. Самъ солидный «Вѣстн. Евр.» потерялъ свое олимпійское спокойствіе, залепеталъ и принялся выкликать, какъ кликуша: по-

милой богъ, если за это цензуру на насъ напустить, помилуй богъ отъ политическаго фанатизма, — бѣда, бѣда!

Положимъ, внутренній обозрѣватель этого журнала никогда не грѣшилъ ни особенно чуткимъ политическимъ тактомъ, ни чистоплотностью. Онъ только всегда старался тщательно прикрывать «рабы мысли» звонкими фразами. Казанскую демонстрацію онъ обозвалъ затѣей стариковъ, выжившихъ изъ ума. Къ еербскому переводу Тургеневской «Нови» издатели приложили рѣчь Бардиной; «Вѣстн. Евр.» заподозрилъ ея подлинность на основаніи того соображенія, что рѣчи этой нѣтъ въ «Прав. Вѣстн.», что, на самомъ дѣлѣ, для всякаго русскаго должно бы служить лучшимъ доказательствомъ подлинности и неискаженности даннаго документа.

Въ виду всего этого, мы могли бы оставить безъ вниманія разныя благоглупости, развиваемыя г. Полонскимъ по поводу 4-го августа; но нѣкоторые его выходы настолько дики и неприличны, что поневолѣ приходится ихъ отмѣтить и указать автору его мѣсто въ литературѣ.

Въ жару либеральной полемики съ «Моск. Вѣд.», г. Полонскій развиваетъ, по поводу извѣстнаго дѣла Засуличъ, такую мысль: присяжные вынесли оправдательный вердиктъ виновницѣ покушенія на Трепова изъ снисхожденія къ ея нравственной испорченности. Она, молъ, съ дѣтства развивалась и росла при такихъ условіяхъ, среди которыхъ у нея не могло выработаться правильнаго понятія о добрѣ и злѣ.

Стало бытъ, по вашему мнѣнію, г. внутренній обозрѣватель «Вѣстн. Евр.», интеллигентный Петербургъ устраивалъ манифестацію нравственному уроду? Ради нравственнаго урода подвергался онъ опасности быть избитымъ и даже застрѣленнымъ изъ жандармскаго револьвера?

О, высоконравственный писатель! Если вамъ ничего не стоитъ плюнуть въ лицо кому бы то ни было, когда за это не грозитъ кутузка и когда надобно показать свою благонамѣренность передъ начальствомъ, — вы постыдились бы хоть петербургской публики! Вѣдь, по вашему, она возвела въ апоѳеозъ олицетворенное нравственное уродство!

Скажемъ еще два слова по поводу политическихъ убійствъ, прежде нежели мы разстанемся съ вами. Вы съ апломбомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, авторитетно утверждаете, что убійства никогда дѣлу свободы не служили. Не только они зачастую служили ему, мой милый, они даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ неразрывно слились въ памяти народа съ самымъ именемъ свободы. Спросите вашего сотрудника, Пыпина, насчетъ легенды о героѣ Коссова Поля, «кинжалчикъ» Милошѣ Обреновичѣ, поразившемъ турецкаго султана, и сходите раза два въ оперу, послушайте «Вильгельма Телля» Россини и «Юдифь» Стрива. (Занятій исторіей мы вамъ не рекомендуемъ — вамъ пришлось бы начать съ курса уѣзднаго училища, что въ зрѣломъ возрастѣ несовсѣмъ удобно.)

Какая, однакоже, была безнравственная женщина

эта г-жа Юдифь! Она гораздо безнравственнѣе самой Вѣры Засуличъ!

Я ужъ право не знаю, какъ не запретять давать на сценѣ произведеній такихъ вредныхъ людей, какъ Россини и Стривъ. А Шиллера давно бы пора сжечь и въ переводѣ и въ подлинникѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ въ нашей газетѣ настоящую корреспонденцію. Долгая національная вражда между русскими и поляками обѣщаетъ наконецъ прекратиться, въ виду общихъ социальнo-революціонныхъ задачъ, и обѣ націи готовятся слиться въ одномъ братскомъ союзѣ для борьбы со своимъ общимъ врагомъ.

Открываемъ столбцы нашего изданія польскимъ революціонерамъ — социалистамъ для всѣхъ могущихъ понадобиться имъ заявленій и извѣщеній, и надѣемся, что ихъ собственный органъ не заставитъ себя долго ждать. Р е д .

ВАРШАВА. (1 октября 1878 года). Уже въ началѣ текущаго года ходили по городу упорные, хотя въ то же время весьма неопредѣленные слухи о дѣятельности какого-то социалистическаго кружка, которому молва приписывала самыя ужасныя намѣренія и самыя нелѣпыя дѣла. Хотя эти слухи и были отголоскомъ того, что дѣйствительно началось въ то время, но, конечно, они были такъ же далеки отъ истины, какъ и все, что вызывается словомъ „социализмъ“ въ головахъ нашихъ шляхтичей-буржуа.

Выражая, въ подражаніе западно-европейской буржуазіи, свое негодованіе на социалистовъ, наши патріоты заблаговременно стали заботиться объ „искорененіи зла“. Завѣдомая ложь, безцеремонныя клеветы и доносы, конечно, не совсѣмъ удачны, вотъ средства, къ которымъ уже тогда прибѣгали сыновья и братья героевъ 63-го года. Обществу они указывали на лицъ, состоявшихъ, по ихъ догадкамъ, въ социалистическомъ кружкѣ, какъ на агентовъ русскаго правительства, которое, будто бы, прислало ихъ въ Царство Польское для возбужденія вражды между сословіями, чтобы, согласно принципу divide et impera, сдѣлаться необходимымъ защитникомъ интересовъ имущихъ, до сихъ поръ враждебныхъ ему классовъ. Съ другой стороны, въ корреспонденціяхъ въ заграничныя и польскія газеты этихъ лицъ называли властямъ по фамиліямъ, какъ опасныхъ для Русской имперіи агитаторовъ. Нѣкоторые изъ этихъ корреспонденцій попали въ наши руки, и мы потребуемъ, можетъ быть въ очень недалекомъ будущемъ, строгаго отчета отъ ихъ авторовъ. Пока мы считаемъ нужнымъ заклеить именемъ доносчика редактора варшавской газеты „Echo“, Сигизмунда Сарнецкаго.

Съ теченіемъ времени, слухи о дѣятельности въ Варшавѣ социалистическаго кружка дѣлались все бо-

лге и болге опредѣленными. Сообразно съ этимъ, увеличивалось и количество доносовъ непрошенныхъ охранителей порядка.

Наконецъ, 5 августа (н. с.), на Моршанской улицѣ, въ квартирѣ слесарей: Буха, Томашевского и К. —прокуроромъ, въ сопровожденіи слишкомъ 50 полицейскихъ и жандармовъ, былъ сдѣланъ первый въ Царствѣ Польскомъ обыскъ у социалистовъ.

Разставленные у воротъ и на улицѣ полицейскіе и жандармы привлекли громадную толпу любопытныхъ, которая, несмотря на всѣ усилія полиціи разогнать ее, стояла на улицѣ во все время обыска, съ пяти часовъ вечера до двухъ ночи.

Толпа держала себя очень характерно. Она не знала въ чемъ именно дѣло, а полиція распространяла слухъ, что производится обыскъ у фальшивыхъ монетчиковъ; но воспоминанія 63 г. скоро навели публику на истину. Старики и старухи грустно и многозначительно кивали головами, утверждая, что это видно «политычна справа», и когда одинъ изъ жильцовъ выбросилъ изъ окна разорванную на клочки бумагу, толпа, думая, что бумага брошена изъ обыскиваемой квартиры, бросилась подбирать ее. Глотали куски; произошла даже свалка съ жандармами, стоявшими тутъ же, причѣмъ арестовали одну женщину.

Обыскъ былъ необыкновенно тщательный. Но, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣленныхъ патроновъ, нѣсколькихъ социалистическихъ брошюръ на польскомъ языкѣ, да нѣсколькихъ фунтовъ стараго шрифта, случайно тамъ оставленнаго, ничего найдено не было. Находка шрифта навела прокурора на мысль, что въ этой квартирѣ спрятана типографія. Былъ взломанъ полъ, но тоже безъ результатовъ.

Полиція надѣялась накрыть въ квартирѣ сходку, но не застала даже ея жильцовъ. Одинъ изъ нихъ во время обыска былъ задержанъ знавшимъ его въ лицо сыщикомъ и переданъ въ руки околочнаго, который повелъ его во дворъ дома; но смѣтливый слесарь, которому какъ разъ въ этотъ день былъ данъ для починки старый револьверъ, направилъ дуло его прямо въ грудь околочнаго и, пользуясь его испугомъ, перепрыгнулъ черезъ заборъ во дворъ сосѣдняго дома, откуда благополучно и ушелъ.

Въ эту же ночь были произведены обыски у родственниковъ и однофамильцевъ названныхъ рабочихъ. Такъ напримѣръ, обыскали всѣхъ Бухомъ въ Варшавѣ. Съ тѣхъ поръ аресты и обыски пошли у насъ безостановочно.

Черезъ нѣсколько дней за тѣмъ, на вокзалѣ Варшавско-Вѣнскаго желѣзной дороги были арестованы: столяръ Костюшко, два слесаря: Томашевскій и Сирочевскій и студентъ университета Казиміръ Плавинскій. При нихъ были найдены заряженные револьверы. Должно быть это послѣднее обстоятельство придадо дѣятельности полиціи какой-то лихорадочный и почти неистовый характеръ. Арестовывали даже тѣхъ, кто годъ назадъ жилъ съ кѣмъ нибудь изъ поповшихся.

Къ сожалѣнію, повальные обыски на заводѣ Лилъпонъ и Рау, гдѣ работаетъ до 2,500 человѣкъ, на

такъ наз. «Желѣзной Фабриктъ», на заводѣ Подгурскаго и многихъ другихъ, дали нѣкоторые результаты, въ смыслѣ положительныхъ указаній на болге дѣятельныхъ личностей.

Среди громаднаго числа арестовъ, приходится оставаться на болге крупныхъ. На бывшей квартирѣ одного изъ наиболге скомпрометированныхъ агитаторовъ К... Д... Былъ взятъ жившій тамъ ветеринаръ Лянды и, въ томъ же домѣ, служившій на желѣзной дорогѣ Свенцицкій, которые и сидятъ теперь въ тюрьмѣ; Д... же не розысканъ.

Почти одновременно съ предыдущими, арестованъ слесарь Рстенгуберъ.

Затѣмъ въ половинѣ октября (н. с.), при обыскѣ у недавно прѣхавшихъ въ Варшаву студ. Мед. Хир. Акад. Александра Грабовскаго и Абрамовича, былъ найденъ давно уже розыскиваемый рабочій варшавско-петербургской жел. дор., Уманскій. Туда же во время обыска зашелъ—за нѣсколько дней до того прѣхавшій въ Варшаву изъ дѣйствующей арміи—Иванъ Глазко и трое другихъ.

Грабовскій, Абрамовичъ и Глазко посажены въ тюрьму, а остальные выпущены. При обыскѣ были найдены: типографскій разобранный станокъ, полтора пуда шрифту и небольшое количество книгъ. Вещи эти оказались принадлежащими Буху, вслѣдствіе чего розыски послѣдняго приняли характеръ облавъ. Несмотря на это, Бухъ постоянно ускользалъ изъ рукъ сыщиковъ и полицейскихъ, и наконецъ уѣхалъ за границу.

Сколо того же времени, были арестованы въ Варшавѣ: учительница сельской школы Филиппина Пласковицкая, слесарь Феликсъ Томашевскій, рабочій Покрживицкій, токарь Бужальскій съ женой (выпущена), слесарь Редлихъ и мн. др. Послѣдними арестованы: слушатель ветер. школы Максимилянъ Гальпернъ, кандидатъ филологіи Юсіфъ Плавинскій и Попѣловъ, у котораго, по слухамъ, найдены компрометирующія письма, повлекшія за собой арестъ до 15 человѣкъ въ Вильно. Кромѣ того, въ другихъ городахъ были арестованы еще слѣдующія лица: Монштейнъ—въ Севастополѣ, Даниловичъ, студ. М. Х. Ак.—въ мѣстечкѣ Освеѣ, Витеб. губ., Грабовскій Мечиславъ—въ Костромѣ, Рожанскій и Бжезинскій—въ Люблинѣ, Казиміръ Аугустовичъ—въ Ломжинской г., Альдона Гружевская съ сестрой, акушеркой—въ Ковенской губ., Де-Мезеръ, бывшій студ. техн. инст., слесарь Каз. Кобылянский, Завадскій и Закржевскій, студенты М. Х. Ак., — всѣ четверо въ Петербургѣ.

Всѣ арестованные привезены въ Варшаву и заключены въ 10-й павильонъ Александровской цитадели. Въ настоящее время сидитъ около 50 человѣкъ, арестовъ было больше 70, обысковъ — больше 120.

Слѣдствіе ведетъ прокуроръ Плеве, которому нельзя отказать въ надлежащихъ талантахъ, а также въ чисто-либеральной безчеловѣчности.

Чтобы характеризовать отношеніе къ намъ псевдопатріотовъ, приведемъ слѣдующій фактъ. Весной этого же года арестованъ здѣсь литераторъ Ад. Шиманскій съ нѣкоторыми другими. Эти господа, воспользовав-

шпсь арестами социалистовъ, показали, что они хотѣли организовать тайное общество, съ національнымъ правительствомъ во главѣ, съ цѣлью создать силу для борьбы съ социалистами *).

И эти показанія давались подъ сводами того-же 10-го павильона, гдѣ, 15 лѣтъ тому назадъ, замучивались сотни патриотовъ, можетъ быть, передъ тѣми же самыми жандармами, которые выбивали зубы и выдергивали бороды у бойцевъ 63-го года.

Вотъ событія послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Эти факты многое говорятъ за себя. Если обратить вниманіе на отношеніе арестованныхъ изъ рабочаго класса и привилегированной среды, легко видѣть, что движеніе почти съ самаго начала приняло чисто-народный характеръ, и наши надежды на будущее этого движенія никогда еще не были такъ сильны, такъ живы, какъ въ настоящую минуту, послѣ перваго чувствительнаго удара со стороны нашихъ враговъ.

Восприимчивость къ проповѣди социализма, революціонность, преданность дѣлу и энергія нашего рабочаго, — полное разложеніе и нравственная гниль старыхъ и новыхъ патриотическихъ партій, ихъ умственная неподвижность и политическое безвѣріе, — необыкновенно быстрое развитіе капиталистическаго производства, раздробленіе крестьянскихъ участковъ и неизбежный спутникъ этого — ростъ сельскаго и городского пролетаріата, — все это факты и явленія, которыя группируются жизнью въ условія развитія единственно революціонной, единственно возможной и единственно народной въ Польшѣ социально-революціонной партіи.

Выступая теперь открыто и публично, мы пишемъ имя Польши на знамени всемирной социальной революціи и шлемъ братскій привѣтъ миллионамъ членовъ нашей международной семьи!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Затихшіе было на время аресты въ Петербургѣ, въ половинѣ октября снова оживились.

11-го числа на Царскосельскомъ пр., въ д. Сивкова былъ произведенъ обыскъ у Ал. Ник. Малюновской и жившей вмѣстѣ съ нею г-жи Федоровой, настоящая фамилія которой осталась неизвестной для жандармовъ.

За Малюн. слѣдили давно и медлили арестомъ, желая «накрыть сборище». Но вдругъ на квартиру почти всѣ перестали ходить. Тогда жандармы, опасаясь упустить и тѣхъ, которые у нихъ были подъ руками, т. напр., Федорову, которая, какъ нмъ было извѣстно, жила по подложному виду, рѣшились дѣйствовать.

Полицейскіе цѣлою массою ворвались въ комнаты дѣвушекъ, которыя еще не вставали съ постели. Федорова успѣла выхватить изъ подъ подушки револьверъ и сдѣлать одинъ или два выстрѣла по иредводителюствовавшему полиціи офицеру, которому нанесла легкую рану въ кисть руки. У Малюновской найдены были подъ подушкой заряженный револьверъ, кромѣ же его, не смотря на тщательный обыскъ, ничего преступнаго не оказалось.

Какъ Мал., такъ и Фед. были сейчасъ же связаны бросившимися на нихъ жандармами и въ такомъ видѣ отправлены въ казематы III отд. Въ квартиру сейчасъ же послѣ обыска пришелъ студентъ м. х. акад. Булановъ, который тоже былъ задержанъ и посаженъ въ одну изъ частей. Въ комнатахъ обихъ арестованныхъ немедленно устроили ловушку, которая находится тамъ и теперь. Но кромѣ одного доктора, только что прѣхавшаго изъ дѣйствующей арміи и зашедшаго къ Малюн., какъ къ старой знакомой по Акад. Худож., никого арестовать не удалось. Да и этотъ офицеръ оказался братомъ какого-то высокопоставленнаго лица, почему и былъ немедленно освобожденъ.

Въ тотъ же день, въ домѣ, противоположномъ Сивкову, была арестована г-жа Витаньева, у которой, говорятъ, нашли нѣсколько писемъ и значительную сумму денегъ.

На второй день утромъ, въ 12 ротѣ Изм. п., въ д. № 11, кв. 22, былъ произведенъ обыскъ у техника Вас. Сабурова. У него были арестованы двое ночевавшихъ въ эту ночь; изъ нихъ одинъ оказался бывшимъ студентомъ Петр. Земл. Ак., Адрианомъ Михайловымъ. Послѣдній успѣлъ вырваться изъ рукъ жандармовъ и бросился бѣжать по улицѣ, но былъ схваченъ разставленными тамъ солдатами. При обыскѣ было найдено нѣсколько паспортныхъ бланковъ, печать и т. п.

Затѣмъ жандармы отправились въ квартиру Адр. Михайлова на Вас. о., гдѣ нанимать комнату также и студ. Зейге. Начего «преступнаго», кромѣ нѣсколькихъ паспортовъ печатнаго приговора да фотографическихъ карточекъ, при обыскѣ не нашли.

На слѣдующій день арестованъ жившій на Развѣзжей болгаринъ Карловскій, у котораго нашли штукъ огромныхъ разѣтровъ.

Произведено еще нѣсколько арестовъ и обысковъ, и вслѣдъ за тѣмъ они прекратились.

Жандармы лгутъ. Они убѣждены, что добрались до самыхъ корней и питей «крамолы», и утверждаютъ, что создадутъ новый процессъ 193-хъ.

— Изъ Москвы сообщаютъ, что оттуда посланъ въ Швейцарію жандармскій офицеръ Штурмеръ, съ четырьмя помощниками, для разузнанія изъ заграничныхъ слуховъ о фамиліяхъ убійцъ ген. Мезенцева. Надѣемся, что ихъ тамъ хорошо примутъ.

— Нѣсколько времени тому назадъ, въ Петербургѣ случилось слѣдующее курьезное происшествіе: г. Думашевскаго, автора статьи «По поводу правительственнаго сообщенія», помѣщенной въ одномъ изъ сентябрьскихъ №№ «Рус. Мира», пригласили въ III Отдѣленіе и предоставили ему на выборъ: или опровергнуть свою статью, или отправиться на жительство въ Восточную Сибирь.

Въ результатъ, какъ извѣстно, получилось письмо въ редакцію «Рус. Мира», въ которомъ, вмѣсто «болѣе 15 тыс. высылаемыхъ ежегодно административнымъ порядкомъ», оказывается менѣе 34 человекъ (!!).

— 31-го октября на Мал. Дворянской ул., д. № 13, кв. 6, арестованъ служавшій при одномъ заводѣ, г. Жуковскій. Найдены въ его рукахъ письма Устрена, по обыкновенію, ловушка, въ которую чуть не попалъ былъ одинъ изъ знакомыхъ Жуковскаго. Онъ уже былъ задержанъ и препровожденъ въ участокъ, когда, воспользовавшись одиночностью стража, онъ бросился бѣжать по направленію Мал. Посадской ул. На крикъ: «Держи! Дови!» одинъ изъ публики кинулся было останавливать его, но прѣдъумевшій выхватилъ изъ кармана кастетъ и «решитель», быстро отскочилъ всторону. Повернувъ за уголъ, прѣдъумевшій увидѣлъ довольно многочисленную толпу, которая слышала крики съ Дворянской ул. Тогда, чтобы сбить ее съ толку, онъ самъ принялся кричать: «Дови! держи! рѣжутъ!» Толпа оторопѣла, не зная, что ей дѣлать, и онъ пробѣжалъ мимо. Далѣе, увидѣвъ заборъ огорода, онъ хотѣлъ перескочить черезъ него, но на это у него уже не хватило силъ, и онъ спустился. Но, на его счастье, огородъ оказался съ проходными воротами и онъ сврылся.

— Не печатаемъ ни секретныхъ правит. документовъ, ни имѣющихся у насъ корреспонденцій: изъ Харькова, Одессы, Чернигова, Воронежа и Земли Войска Донскаго, не желая задерживать долѣе и безъ того запоздаваемаго номера. Появятся во второмъ. Печатается и вскорѣ будетъ выпущена брошюра Драгоманова «Выигранный Послѣдней Войны».

— Получено 100 р. отъ Ф. для передачи Г. Л. ОПЕЧАТКА. Въ первомъ столбцѣ 15 стр., послѣ 18-й стр. пропущено: «Какъ вамъ понравится также совѣтъ «Голоса» революціонерамъ — уважать человека?»

*) Говорятъ, что Шиманскій составилъ даже въ этомъ духѣ меморіалъ, который былъ представленъ самому государю.